

Дуглас Брайан Дочь Песочного владыки

Тем летом в Хоршемише было много приезжих: изящные аквилонцы, высокомерные и подтянутые бритунийцы, молчаливые и загадочные жители Кхитая, дикие наездники гирканских степей... Приезжие образовали на улицах города особую расу, удивительную своим внешним разнообразием и некоей внутренней общностью, особенно в глазах коренных обитателей Хоршемиша.

Пестрая толпа день-деньской кипела на площадях, несмотря на жару. Торговцы водой сбивались с ног.

Хозяева постоянных дворов стонали и рвали волосы на головах своих, коря себя за то, что не выстроили огромных, многоэтажных гостиниц – то-то велика была бы теперь выручка! Увы, свободных мест давно не осталось, а приезжие все прибывали и прибывали.

Лошади, мулы, двугорбые бактрианы и дромадеры, отличавшиеся злобным нравом, шершавые от линьки ослы и лоснящиеся верховые буйволы – все это ржало, мычало, орало, требовало корма и производило неимоверное количество навоза. Оруженосцы, наемные слуги, телохранители и рабы осаждали продовольственные лавки, с утра раскупая весь дневной запас фруктов, сладостей и вина. Их хозяева просыпались около полудня и покидали странноприимные дома в самое жаркое время дня, чтобы толкаться на ярмарочных площадях, глазеть на прилавки, торговаться и спорить.

Здесь были деловые люди всех возможных видов: негоцианты, купцы, барышники и попросту торгаши. Были и вельможи – послы от различных, больших и малых, дворов. К таковым причислял себя даже сын гирканского князька, весьма колоритный молодой человек, небольшого роста, кривоногий, ладно сбитый, с горящими глазами, крючковатым носом, серьгой в ухе и копной сальных волос. С какой миссией он прибыл в Хоарезм, так никто и не узнал, но держался гирканец гордо, заносчиво, поигрывал нагайкой и сверлил всех вокруг орлиным взором.

Встречались в изобилии и просто знатные господа неопределенных занятий. Эти хоть и отличались между собой оттенком кожи или покроем одежды, но все же походили друг на друга до чрезвычайности – рассеянным видом, отрешенным выражением лица и холодной учтивостью манер.

Впрочем, среди них попадались совсем молодые люди, которые не прочь были и победокурить. Они владели городом по ночам.

Прежде – благопристойный и сонный, как и положено городу после первой ночной стражи, Хоршемиш теперь гудел до утра. В тавернах, где еще совсем недавно степенные мужи вдумчиво курили кальяны и созерцали плавные движения танцовщиц, теперь до самого рассвета звучал хохот, звон стаканов и кубков. Музыканты словно сошли с ума – их флейты надрывно визжали, захлебывались барабаны, домбры звенели лопнувшими струнами. Танцовщицы плясали нечто ор-гиастическое, обнажаясь выше приличий, и распаленные гуляки осыпали их золотом.

Рыцарь Бернегард принадлежал к последней категории приезжих. Лет ему было едва ли двадцать, сам он был высок ростом, а лицом – пригож. Такие лица к тридцати годам утрачивают смазливость, делаются либо скучными и обрюзгшими, либо задумчивыми. Но в двадцать они привлекают женщин, если не правильностью черт, то чистотой и свежестью.

Отец его, в ту пору еще здравствовавший, владел крупными поместьями, десятком замков в Аквилонии, серебряными шахтами и лесными угодьями, простиравшимися чуть не за край вселенной. Богатство семьи было настолько велико, что Бернегард никогда не брал с собой в путешествия больших денег – в любом уголке мира находился ростовщик, и не один, готовый услужить за проценты столь перспективному наследнику.

Таким образом, он не нуждался ни в чем, кроме увеселений и развлечений. Именно эта нужда и влекла его в странствия.

Впрочем, он обладал счастливым складом души – его развлекали не только плясуны и кулачные бои. Юный Бернегард с любопытством разглядывал незнакомые лица, чужие города, горные вершины, уходящие в небо, и морские волны, облизывающие побережье. В Хоарезм он приехал из-за ярмарки, славящейся обилием редких товаров, иной раз даже волшебных.

Ярмарка случалась ежегодно, но последние пятьдесят лет непрерывной чередой шли войны, отчего нравы людей портились, торговля хирела, а дороги и проезжие тракты кишели разбойниками и мародерами. В силу этих причин ярмарки проходили скромно, во всяком случае, по сравнению с нынешней. Но войны иссякли, и люди вздохнули с облегчением. Самые умные из них понимали, конечно, что любому перемирию наступает конец, и вечного мира быть не может на земле, но время затишья воспринималось всеми, как дар богов.

Бернегард неспешно прогуливался по рядам, где были выставлены товары, связанные с колдовством. Настоящей магии, с ее зловещими секретами, интересующими лишь посвященных, практически не было.

То есть, конечно, она имелась, но не напоказ, как водится, а в укромных шатрах, или в тайных жилищах колдунов, куда находили дорогу только проверенные клиенты.

Здесь же, на ярмарке, пользовались интересом товары более широкого спроса: составы для фейерверков, бумажные кхитайские птицы, умеющие летать, говорящие куклы из дерева и фарфора, волшебные духи и прочие снадобья, до которых весьма охоч прекрасный пол.

Целый ряд был отдан торговцам амулетами: от сглаза и порчи, для усиления мужской силы, для удачи при игре в кости...

Некоторые амулеты представляли собой настоящие произведения искусства, и Бернегард удивлялся, почему они выставлены тут, а не в ювелирных рядах. А иные – напротив, поражали грубостью работы, словно неумелый дикарь мастерил их своими заскорузлыми ручищами, более привычными к каменному топору и суковатой дубине.

Забавно, но именно эти неказистые творения пользовались наибольшим спросом. В вопросах волшбы люди склонны доверять исконному, древнему, бесхитростному... Бернегард догадывался, что умельцы из народа давно умеют подделывать «древние» амулеты, и самому старому из лежащих теперь на прилавке – год, от силы два.

Забавно было смотреть на торговцев, наблюдать за их повадками. Попадались, конечно, и скучные, из тех, кто не любит своего товара, а на покупателей взирает с брезгливым негодованием. Такие встречаются на любом рынке, и неважно чем они торгуют. Вне

зависимости от рода, происхождения и качества товара, у купца – неизменно тухлое выражение лица. Он воистину способен продать прекрасную наложницу так, словно она – мешок окаменевшей репы.

А встречались Бернегарду и другие, влюбленные в ремесло торговца. Эти напротив, мешок репы продадут так, словно в нем не овощи, а красавица-полонянка. Такие всегда действуют с выдумкой, с огоньком, и всякий – по своему. Один изображает рубаху-парня, балагурит, заразительно смеется и жестикулирует так, словно от природы владеет языком глухих. Другой развернет перед покупателем штуку материи и погладит ткань растопыренными пальцами, а покупатель видит, будто под тканью не плоский прилавок, а женское бедро самых соблазнительных очертаний.

Третий – любимец женщин. Он стоит за прилавком так изящно, взгляд у него такой томный, что сам он выглядит собственным товаром. Покупательницы млеют.

Единственный способ задержаться рядом с таким красавцем – купить это, и то, и вон то в придачу, а можно посмотреть другое, ах, какая прелесть, заверните за отдельную плату, можно – в три слоя...

Торговец, привлечший внимание Бернегарда, принадлежал к самой любопытной категории. Он весь состоял из таинственности. Загадка пряталась в складках его длинного серого плаща, слишком теплого для этого климата, она таилась под капюшоном, покрывавшем голову... Из длинных, широких рукавов высывались только кончики пальцев, смуглых и проворных.

Таинственный торговец не зазывал любопытных к своему прилавку, не вступал в разговоры. Он стоял и ждал, словно ему было известно, что самый главный и важный его клиент вот-вот появится из толпы и сам подойдет к нему.

Кому-то молчаливая фигура, закутанная в серый плащ, да еще и с закрытым лицом, показалась бы мрачной и даже отталкивающей. Но Бернегард, как большинство здоровых молодых людей, обладал крепкими нервами и не боялся тайн и загадок. Напротив, они сулили ему приключения, то есть самый действенный способ развлечься. Поэтому, разглядев как следует необычного торговца, юноша подошел к нему вплотную и с живым любопытством стал изучать содержимое его прилавка.

Это были карты. Пергаментные, папирусные, и даже нарисованные на кхитайской прозрачной бумаге. Новые, еще пахнущие красками, и старые, основательно вытертые. Ярко раскрашенные во множество цветов и оттенков, каждый из которых имеет отдельное значение, и монотонные, начертанные некогда черной тушью, каковая давно успела выгореть до неопределенного буроватого колора.

При виде заинтересованного покупателя, явно способного выложить кучу денег, торговец не выказал никаких чувств. В первое мгновение это задело юного Бернегарда, но почти сразу он почувствовал, что загадочный незнакомец пристально вглядывается в него из-под своего капюшона.

Бернегард не был большим мудрецом, но в свои невеликие годы обладал достаточной интуицией, чтобы понять: следует принять правила игры, не пытаясь постичь их смысла. Иначе странный торговец останется только торговцем, а карты на его прилавке – только картами, и приключение пройдет стороной.

Он продолжил рассматривать товар. Большие карты лежали на прилавке в виде плотных свитков, и их нужно было развернуть, чтобы перед глазами возникли другие земли, и пахло ароматом странствий. А между ними располагались маленькие, не шире ладони; эти были уже развернуты. Одна из таких карт представляла собой совершенно явный фрагмент, неровно вырезанный из середины целого.

– Забавно, – сказал Бернегард, дотрагиваясь до него пальцем. Торговец продолжал молчать, даже плечами не пожал.

– Интересно, где и у кого остальные кусочки этой карты, – продолжил юноша. – Дорого бы я дал, чтобы узнать это.

– И прогадали бы, – наконец подал голос неизвестный. – Это можно узнать и

бесплатно. Прямо здесь.

– Так у кого же они? – продолжил настаивать Бернегард.

– У меня, – отвечал торговец и совершенно неожиданно разразился смехом. Смех был ему под стать – глухой, хрипловатый, доносящийся словно из сырого подвала, запертого на тяжелый замок.

– Какой смысл продавать карту по частям? – удивился молодой человек. – Разве только для привлечения глупцов, способных поверить в байку о кладе, зарытом неведом где.

Торговец рассмеялся снова.

– В таких глупцах не бывает недостатка, – заметил он. – Однако причина не в этом.

– Так в чем же она? – Бернегард начал уже проявлять признаки нетерпения.

На его взгляд, игра подзатянулась. Если загадочному незнакомцу неинтересен он, как таковой, то почему торговец не даст понять это в ясных выражениях? А если напротив, то пора бы уже перейти к делу!

Человек в капюшоне не спеша огляделся по сторонам.

Близился вечер, постепенно толпа расточалась, торговля сворачивалась. Пестрые навесы над прилавками, устроенные на манер кочевых шатров, разбирались, столы пустели. К площади стекались побирушки, за «законной» долей мирских радостей.

– Я объясню тебе, рыцарь, – произнес наконец неизвестный. – Только не думаю, что наша встреча принесет тебе удачу.

– Об этом наверняка никто знать не может, – сказал Бернегард. – Своей удачей распоряжаюсь я сам. Так что выкладывай, в чем тут дело, а там уж посмотрим.

Торговец приглашающе махнул своим широким рукавом и отступил вглубь своего навеса. Там обнаружили плетеные кресла, на одно из которых Бернегард уселся с видом хозяина положения, и приготовился слушать.

* * *

Приблизительно в это самое время Конан из Киммерии проснулся в комнате девицы по имени Айгуль.

Он прибыл в Хоршемиш, когда свободных мест на постоянных дворах уже не было. Даже в самых просторных гостиницах постояльцы занимали впятером комнаты, предназначенные для одного жильца, а те, что попроще спали на крышах, в кухнях и угольных ямах.

Киммериец привык заботиться о ночлеге только в походных условиях. «В городе, – рассуждал он, – даже в самом паршивом, всегда найдется койка для такого славного парня, как я!»

Из личного опыта неунывающий варвар хорошо знал, что такая койка редко бывает пустой – в ней, как правило, обнаруживается еще и женщина, готовая согреть и приютить «славного парня». А при всех недостатках своего варварского воспитания, Конан относился к женщинам с должным вниманием и не любил их разочаровывать.

Верный себе и своим привычкам, по приезду в Хоршемиш киммериец не стал обивать пороги гостиниц. Целый день и добрую половину ночи он слонялся по городу, являя собой законченный портрет провинциального зеваки. Несмотря на суровый образ жизни, в глубине души он и был провинциальным зевакой, охочим до зрелищ и всяких удивительных вещей. Трудно предположить такое, но тем не менее – могучее тело воина, закаленного в боях, облекало душу ребенка, не успевшего повзрослеть.

А зрелищ в городе было предостаточно. К примеру, кулачные бои. Варвар понимал в этом толк. Выступления профессиональных бойцов привели его в восторг. Конечно, он знал, как никто другой – в настоящей рукопашной схватке люди дерутся совсем не так... Но красота и точность поставленных движений и тренированная пластика тел заслужили его одобрение, которое он выражал весьма шумно.

Потом выступали любители, то есть те, кто из азарта или желания подзаработать способны лупцевать ближнего своего и получать от него сдачу той же монетой. Это было менее интересно.

Бои должны были продолжаться еще четыре дня, и Конан решил: если не подвернется ничего более интересного, он и сам тряхнет стариной.

После кулачного боя варвар созерцал выступления гимнастов и акробатов. Было на что посмотреть.

Между двумя высокими башнями, стоявшими на площади Трех Фонтанов, протянули канат, казавшийся снизу не толще нитки. А когда солнце чуть опустилось в сторону горизонта, канат и вовсе пропал из виду.

Акробаты выступали в одежде, расшитой блестками и крупными стразами. Закатные лучи ярко вспыхивали на украшениях, и казалось, фигурки канатоходцев, как бы парящие в воздухе, принадлежат сказочным существам из мира снов и видений.

А внизу, под барабанный бой и скрипящие виолы, гимнасты ходили колесом, перебрасывались булавами, жонглировали факелами... Глотатели мечей, впрочем, Конану не понравились. В этом была какая-то насмешка над благородной холодной сталью. «К тому же, если каждый вздумает поедать оружие, в мире настанут тяжелые времена» – так думал киммериец со всей искренностью.

Конану стоило больших трудов постоянно напоминать себе, что он в Хоршемише по делу. По какому именно – варвар и сам пока сказать не мог. Но одно он знал точно – следует держать ухо востро, а нос – по ветру, иначе приключение выпадет на долю кого-нибудь другого, более внимательного и удачливого.

Любовь Конана к приключениям имела весьма простое объяснение. Приключения кормили его и составляли смысл его существования. Если бы ему просто нужны были бы деньги, он давно воспользовался бы толчеей и посрезал кошельки у всех ротозеев на расстоянии вытянутой руки. А руки у варвара были длинные.

Нет, требовалось нечто такое, о чем потом говорили бы во всех тавернах, нечто дерзкое и грандиозное по замыслу и фееричное по исполнению.

Глядя на акробатов, Конан вспомнил Зонару – давнюю свою подругу и великолепного товарища. Она была воровкой высочайшего класса, и при этом – акробаткой, что облегчало ей доступ в дома с высокими стенами. Время от времени до Конана добирались слухи о том, что Зонару поймали с поличным и казнили каким-нибудь ужасным способом. Если верить молве, ее многократно сажали па кол, четвертовали, сжигали на костре, и несчетное количество раз обезглавливали. Но леденящие душу подробности оказывались досужим вымыслом. Зоиаре неизменно удавалось выкрутиться из самых опасных ситуаций. А такие мелочи, как публичная порка за мелкое мошенничество, были настолько заурядным событием, что Зоиара даже и не думала роптать на свою судьбу.

Она-то хорошо знала секрет удачи. Уж ей то не пришлось бы ломать голову, в попытке измыслить очередное грандиозное предприятие. Конан был бы рад встретить ее на улицах Хорше-миша. К тому же, Зонара – привлекательная женщина, многоопытная и неутомимая во всем, что так или иначе касается телесной любви...

Размышляя об этом, Конан ощутил голод. Ему хотелось мяса, вина и женщины.

Но в городе было слишком много народа. Из-за этого казалось, что все вокруг происходит быстрее, чем обычно бывает, лица мелькали перед глазами, мысли путались в голове.

В конце концов варвар и сам не заметил, как оказался в глухом проулке из тех, что считаются «нехорошими» и обходятся стороной добропорядочными людьми.

Было уже за полночь. В животе у Конана урчало. Другой на его месте уже отчаялся бы, но киммериец чувствовал, что не зря ноги сами привели его в это мрачноватое место.

И в самом деле: не успел варвар сделать несколько шагов, как до его слуха донеслись женские крики.

Только опытный слух может различить истинную причину женского крика. Женщина

кричит от злости, когда подозревает мужчину в неверности. Кричит она и от наслаждения, да так, что в пору подумать, будто ее режут.

Эта женщина кричала от страха. Ей требовалась помощь. В этом Конан убедился, когда приблизился к подворотне.

Грабителей было трое. Двое пытались сорвать со своей жертвы халат и покрывало, а третий, справедливо рассудив, что его помощь ни к чему, стоял у самого входа в подворотню, посматривая, не идет ли стража.

У нападавших имелись ножи, но они только размахивали ими, опасаясь испортить одежду женщины. Это снизило бы ее цену.

Женщина боялась ножей и вопила во все горло, но при этом не выпускала из рук своего покрывала, не желая расставаться с ним ни за что на свете. Она была молода – это Конан разглядел хорошо, – и стройна, как большинство женщин Хоршемиша. А судя по выражениям, которые она отпускала в адрес грабителей, родиться ей довелось где-нибудь в окрестных трущобах.

Когда третий грабитель, стоявший на посту, заметил Конана, было уже поздно – он ничего не успел предпринять.

Тяжелый кулак киммерийца опустился ему на макушку, и разбойник, крикнув от неожиданности, рухнул, где стоял.

Двое его сообщников отпустили женщину, и та, не успев восстановить равновесие, отлетела в сторону и ударилась о стену.

– Кто ты такой? – спросил один из них, поигрывая ножом. Он был трус, и столкнувшись с сильным мужчиной, пытался выиграть время и избежать рукопашной.

– Я – разбойник, – сказал Конан, ухмыляясь. – Давайте сюда ваши кошельки и идите себе с миром, добрые люди.

Видя, что грозный варвар не обнажает меча, но при этом продолжает наступать, лениво поигрывая мышцами, грабители решили действовать. Они бросились на Конана, стремясь обойти его с двух сторон.

Для того, чтобы орудовать ножом без риска, нужно находиться вплотную к противнику, не позволяя ему сохранять дистанцию.

Конан и сам пользовался подобной тактикой и посему знал, как следует поступить. Вместо того, чтобы попятиться, варвар рванулся вперед, проскочил мимо нападавших и, ухватив одного из них за руку, вывернул ее из сустава. Грабитель взвыл, уронил нож, и когда Конан разжал хватку, сразу повалился наземь.

– Сдаюсь, ты – сильнее, – признал третий, бросил свое оружие и мгновенно исчез в темноте, предоставив своим сообщникам вкусить всю горечь поражения.

В тощих кошельках поверженных нашлось четыре серебряных монеты, старых и истертых.

Женщина стояла у стены и, всхлипывая, смотрела на своего избавителя.

– Ты не убежала, – заметил киммериец. – Это хорошо.

Таким вот незамысловатым образом Конан и нашел себе ночлег. Айгуль обитала в полуразвалившемся доме, занятом несколькими семьями. Жители его подразделялись на несколько категорий. Во-первых – мужчины, лентяи, неудачники и мечтатели. Во-вторых – их жены, особы сварливые, решительные и сильные духом. В-третьих – девицы неопределенных занятий и свободной морали, к которым относилась и Айгуль. А в-четвертых – огромная армия сорванцов, славных потомков первых двух категорий.

Конечно, Айгуль не колебалась ни мгновения. Мужчина, спасший ее от грабителей, производил впечатление. Такого рослого и сильного приятеля у девушки еще не было.

Комната Айгуль, бедно обставленная, но чистенькая, показалась киммерийцу уютной. К тому же, многодневная усталость взяла свое. После скромного ужина и любовных утех, скорее – простодушных, чем изощренных, варвар уснул, и его громовой храп прокатился по всему дому.

Когда он проснулся, а было это только на следующий вечер, Айгуль в комнате не

оказалось. На столе Конан нашел свежую лепешку, несколько кусков мяса, завернутого в виноградные листья, и полкувшина светлого пива. Многоопытная Айгуль знала, что нужно мужчине.

Чтобы расправиться с закуской, Конану не потребовалось много времени. Потом он присел на подоконник с кувшином в руке, и собрался насладиться напитком, как вдруг нечто в глубине сада привлекло его внимание.

Сад был запущен и дик. Между деревьями, по большей части – яблоневыми, тянулись веревки для сушки неказистого белья. Кустарник разросся так пышно, что дети обычно играли в нем, воображая себя в джунглях.

Но сейчас там прятались не дети. Двое мужчин, вполне взрослых, рассчитывая на то, что их не видно со стороны улицы, вели там беседу. Одному из них приходилось, из соображений предосторожности, все время умерять силу своего голоса. Тем не менее, то, что он говорил, долетало до ушей варвара так же просто, как почтовый голубь долетает до родной голубятни.

– Сейчас еще рано, – горячился этот человек. – Не беспокойся. Я знаю, как нужно убивать. Этот человек постоянно окружен знакомыми, а то и просто пребывает у всех на виду. Нам ни к чему свидетели.

Его собеседник проговорил что-то свистящим шепотом.

– Или я работаю, как считаю нужным, или ты ищешь себе другого исполнителя, – сказал первый. – Только не рассчитывай на мою совесть. Аванса я не верну.

«Это любопытно, – подумал Конан. – Интересно, что за бедолага, судьбу которого уже решили эти негодяи?»

Убийство в честном бою представлялось киммерийцу обычнейшим делом. Ничто так не забавляет, как сама смерть, пляшущая на остриях клинков. Но к наемным убийцам варвар испытывал глубочайшее омерзение, потому что главным оружием этих людей является не клинок, а подлость. Убийцами по найму обычно становятся люди, обделенные доблестью, но жаждущие чужой крови. Такие почитают себя отчаянными малыми, но чтобы подкрасться к человеку, не ожидающему удара, и пырнуть его в спину, не нужно ни смелости, ни силы.

– Пойми, если его зарежут, как барана, то рано или поздно люди подумают: а кому это было выгодно? Может, тебе и удастся откупиться от судей, но какой ценой? – снова заговорил неизвестный. – Не окажется ли она слишком высока для тебя?

– Это верно, – пробормотал Конан, – продажные судьи обходятся дороже убийц.

– Я знаю, о чем ты подумал, – убийца хмыкнул и похлопал своего собеседника по плечу. – Боишься, что я стану вымогать у тебя деньги, пользуясь тем, что мне известно. Спешу уверить тебя, ты ошибаешься. Нужно быть глупцом, чтобы идти в суд и говорить там: «Я убил за деньги, по просьбе господина такого-то». Мне никто не поверит, и я окажусь на виселице, в совершенном одиночестве. Кроме того, способ, которым я собираюсь выполнить твой заказ, делает такое признание бессмысленным. Твой знакомый исчезнет без вести. Никто и никогда не найдет его тела. Спустя небольшое время ты сможешь распоряжаться его деньгами, как своими, но доказательств, что он умер, ни у кого не будет. Я называю это чистой работой.

Налетел прохладный ветерок, и шуршание листвы поглотило слова, сказанные в ответ. Двое стали выбираться из сада. Когда они оказались у изгороди, Конан ясно разглядел их обоих.

Особенно любопытным ему показалось то обстоятельство, что оба не являлись коренными жителями Хоршемиша.

Наемный убийца, впрочем, носил местный наряд, состоящий из длинного халата, расшитого посекшимися серебряными нитями, линиялых шальвар, туфлей с загнутыми кверху носами и чалмы, скрученной с фатоватой небрежностью. Но он явно происходил из Аквилонии, как и его собеседник.

Последний был одет скромно и просто, на манер слуги из свободных, но осанка отличала в нем человека благородных кровей. У него было бледное лицо, словно иссушенное

страстью, нос напоминал клюв птицы-падальщика, а глубоко запавшие глаза горели столь яростно, что варвар заметил это даже издали.

Впоследствии, вспоминая об этой истории, Конан удивлялся: он никак не мог понять, почему ввязался в нее. Прямой выгоды она не сулила, а неизвестный, о котором говорили те двое, явно был взрослым мужчиной, которому не нужна нянька.

Однако в тот самый момент он не стал раздумывать ни мгновения. Наспех одевшись, киммериец покинул жилище гостеприимной Айгуль и выскользнул на улицу.

Наемный убийца успел за это время скрыться в неясном направлении, а его наниматель отошел достаточно далеко, чтобы Конан сумел разглядеть только его спину.

Это было на руку любопытному варвару. Конан мог идти следом, не опасаясь, что на него обратят внимание. Нужно было только не терять из виду странного человека, одетого слугой.

Довольно долго тот шел прямо по улице, каковая вывела его в богатую часть города. Там он помедлил немного у таверны под названием «Дикая косуля», быстро огляделся и вошел в нее.

Подойдя к самым дверям заведения, Конан прикинул в уме, надолго ли хватит его вчерашней добычи – четырех серебряных монет, если тратить их в «Косуле».

Потом он решил, что на первое время этого вполне достаточно.

* * *

– Сегодня я услышал самую интересную сказку в моей жизни, – произнес Бернегард.

– Здешние шлюхи – мастерицы рассказывать байки, – отозвался Закир, гирканский князь, и хрипло расхохотался. Он был пьян.

– Мне рассказала ее вовсе не шлюха, – возразил Бернегард.

– Кто же? – поинтересовался Аддо, молодой воин из Султанапура, смуглый, изящный и очень деликатный.

– Торговец картами. Скорее всего, он – продувная бестия и мошенник, как и положено представителям его сословия. Но даже мошенник должен стремиться к высотам мастерства. Иначе – какой смысл?

– Когда ты начинаешь рассуждать о высоких материях, мне кажется, что у тебя несварение желудка, – вставил Сигур, дальний родственник и старый приятель Бернегарда. Обычно он сидел молча, и только хмурился, когда прочие веселились и разглагольствовались, но иногда принимался⁴ натужно острить. Аддо, отличавшийся природной добротой, предполагал, что у Сигура постоянно болят зубы, или что-нибудь еще, и в силу этих причин он и держится так за приятельским столом.

– Я не стану утомлять вас долгими рассуждениями, господа, – продолжал Бернегард. – Вы и сами бываете достаточно занудны...

Закир снова рассмеялся и взмахнул рукой, опрокинув на пол винный кувшин с высоким, узким горлышком. Кувшин раскололся со звоном, как и положено изделию из хорошей глины.

– Начало этой истории произрастает из глубины веков. Некогда жил да был царь племени кочевников. Звали его Уграл. В те далекие времена почти каждый царь или вождь происходил от того или иного божества. В крайнем случае, от демона. А иные из демонов были необычайно сильны, и не уступали богам, во всяком случае, в том, что касается могущества на земле. Поэтому нет великой разницы, от кого именно происходил царь Уграл.

Известно то, что у него имелась сокровенная сила, с помощью которой он мог вызвать на поверхность мертвой пустыни глубинный источник, и напоить свой скот и своих людей. Если на его племя нападали другие племена, Уграл собирал в небе косматое воинство, такое большое, что оно застило свет. Это воинство осыпало врагов Уграла золотыми стрелами, жалящими сквозь любую броню.

– Речь идет о грозовых тучах? – уточнил Аддо.

– Похоже на то. Это неважно. Даже если Уграл попросту вызывал грозу на голову неприятелю, то много ли вы знаете людей, подобных ему?

– Любой гирканский колдун умеет это, – объявил Закир. – Да что колдуны? Любая гирканская старуха...

– Дело происходило не в Гиркании, – пояснил Бернегард, – а в этих краях. Здесь никто не видел гирканских старух. Этим беднякам не с чем было сравнивать, и они почитали Уграла за могущественного царя.

Закир с усилием задумался, но так и не сумел понять, смеются ли над ним, или Бернегард говорит всерьез. На всякий случай, гирканец бешено сверкнул глазами и ощерился. На большее его не хватило.

– Однажды Уграл встретил в песках повозку, запряженную странными крылатыми существами...

Бернегард рассказывал терпеливо, как будто сам для себя. Уж он-то получал удовольствие от своей повести, а остальным все равно нечем было заняться.

– Существа эти походили скорее на львов, чем на тягловых животных. В пустыне им пришлось несладко. Они еле тащились, увязая в песке, а крылья их волочились, оставляя борозды. Когда Уграл приблизился к повозке на своем верблюде, существа зарычали, и даже попытались напасть на него. Но они были истощены, измучены жаждой, и к тому же – впряжены в повозку, что не позволило им растерзать царя и его верблюда. Крылатые львы рычали в отчаянии, и в глазах их светилась скорбь. Из последних сил они пытались выполнить свой долг пред тем, кто находился внутри повозки, кого им следовало защищать и оберегать.

Уграл проникся жалостью к этим существам. Он приказал воде пробиться из глубин земли, и у ног крылатых львов забил источник. Львы припали к живительной влаге. Их худые бока вздымались и опадали, как кузнечные меха...

– Откуда ты знаешь, как ведут себя кузнечные меха? – не удержался Сигур. – Ты отроду не был в кузне!

– Я верю на слово торговцу, – не моргнув глазом ответил Бернегард. – Итак, львы напились. Вода подействовала на них волшебным образом: они буквально воскресли на глазах у Уграла. Силой и мощью налились их тела, крылья расправились, а отчаяние в глазах сменилось покоем. Львы легли на песок и замерли. Уграл подъехал ближе. Они не шелохнулись.

Тогда Уграл спешился и подошел к самой повозке. Она была крытой. Из-за полога, пропитанного пылью, но богато расшитого, слышался чей-то стон.

Убрав полог, царь увидел в повозке женщину удивительной красоты. Она лежала на подушках без сознания и чуть заметно шевелила запекшимися губами.

Уграл снял с пояса серебряный ковш, зачерпнул им из источника и поднес ко рту обессиленной путницы. Она напилась, постепенно приходя в сознание.

В пустыне произрастают во множестве странные цветы. Если увидишь их среди засухи, то поневоле ужаснешься: столь уродливыми они покажутся тебе. Из коричневого песка торчат перекрученные стебли, покрытые острыми, как кинжалы, колючками. Листья сморщенные, в волдырях, словно солнце покрыло их ожогами. А лепестки напоминают черные крылья летучих мышей, разодранные в клочья.

Но если твои запасы воды позволят тебе такую расточительность, и ты прольешь несколько капель в раскаленный песок, то через миг цветок преобразится. Лопнет бурая короста, покрывавшая стебель, листья нальются изумрудной зеленью, а лепестки станут розовыми, нежными, как щека красавицы. Цветок испустит сказочный аромат, и ты никогда не забудешь его, даже если попадешь в королевскую цветочную оранжерею.

Похожим образом преобразилась и женщина, лежавшая в повозке.

Глаза ее раскрылись, и Уграл едва не утонул в этих изумрудных озерах.

Он хотел назваться, как подобает учтивому воину, но женщина опередила его.

– Я знаю тебя, ты – великий царь Уграл, – сказала она. – Твой народ богат, твои жены всегда в тягости, твой скот тучен и обилён приплодом. Но главное сокровище твоё ещё не найдено тобой.

– Кто ты? – спросил Уграл, потрясённый чарующими звуками её голоса.

– Я – дочь Песочного Короля. Не в обиду будь тебе сказано, он могущественнее тебя. Земные богатства проскальзывают у него меж пальцев вместе с песком времени...

– Воистину, он – могущественнее меня, – признал Уграл. – Его дочь прекраснее всего на земле. Мои дети тоже красивы, но ни одна из дочерей Уграла не может сравниться с тобой. Что ты делаешь тут, среди пустыни?

– Ищу тебя, – сказала дочь Песочного Короля, и протянула к Угралу зовущие руки.

Уграл возлег с ней, и пока они лежали, львы сторожили их покой.

В объятиях прекрасной женщины Уграл заснул. А когда проснулся, обнаружил, что нет ни её, ни повозки, ни крылатых львов. Он лежал на песке в одиночестве, и только его верблюд бродил рядом, жуя колючку.

– Странные сны снятся человеку в пустыне – сказал Уграл и поднялся. А поднявшись, увидел, что перед ним, прямо из песка, вырос дворец. Он сиял белоснежными стенами в лучах солнца, и от этого сияния исходила прохлада.

Думая, что пустыня дразнит его миражами, Уграл дотронулся до стены. Но она была настоящей. Пальцами Уграл ощутил шероховатость алебастра, покрытого искусной резьбой.

Во дворце играла музыка. Царь ступил за ворота, и два гиганта, стоящих на страже, пали перед ним ниц.

Навстречу царю вышел павлин, чьи перья увешаны драгоценными камнями. Птица качнула хвостом, как бы приглашая следовать за ней. Уграл рассмеялся – павлин позабавил его.

Во дворце нашлось много чудесного.

Во внутренних двориках били фонтаны, в водоемах играли рыбки с расписной чешуей. Угралу никогда прежде не доводилось видеть рыбу, и он подумал, что это – дети дракона.

На галереях, в особых кадках, росли деревья с золотистыми плодами. Разноцветные птицы порхали по ветвям и пели.

Повсюду были комнаты, наполненные сокровищами. В одной груды лежало золото, в другой – сапфиры, в третьей – яхонты и лалы. Стены украшались драгоценностями на любой вкус. А в особых комнатах хранились пряности и благовония.

Перед дверями каждой из комнат стояли гиганты, по двадцать локтей ростом. Они оказывали Угралу почести, будто знали, что должны служить ему, и именно ему.

А в верхних покоях царя ожидало самое удивительное – прекрасная статуя, вырезанная из белого камня. В ней Уграл узнал дочь Песочного Короля.

Как потом выяснилось, статуя было волшебной. Раз в год она оживала, и царь проводил с ней ночь, как с настоящей женщиной.

Теперь он жил в этом дворце, забыв про кочевой шатер. Его народ сделался ещё богаче, но Уграл больше не интересовался его делами. Он забыл своих жен и наложниц, забыл ратные подвиги и охоту. Бледный и печальный, бродил он по своему дворцу, ожидая того дня, когда статую вновь оживет.

В конце концов его народ ушел. «Царю нет до нас дела, – сказали люди, – а нам нет дела до его каменной любовницы. Пусть остается с ней, если ему так хочется!»

Они выбрали себе другого царя и отправились кочевать. Царь наблюдал их исход из окна дворца. Слезы катились по его лицу, но он не остановил своих людей.

Больше они никогда туда не вернулись. О дальнейшей судьбе Уграла никто не знает...

– По-видимому, он помер, – высказался Закир. Все думали, что он давно уснул, лежа щекой на столе, но гирканец сопротивлялся опьянению с мужеством истинного сына степей.

– Так или иначе, но его дворец по-прежнему стоит где-то посреди пустыни, – закончил Бернегард. – Торговец, с которым я беседовал, утверждает, что с ним ничего не произошло. Сокровищ, конечно, уже нет. Их расхитили за много веков, случайные охотники за

богатством. Погибли деревья в кадках, погибли птицы, пересохли фонтаны... Однако, статуя из белого камня до сих пор там.

– Она все еще превращается в женщину? – поинтересовался Аддо. Бернегард только пожал плечами в ответ.

– Я не понимаю, что в этой истории так тебя заняло, что ты утомлял нас ее пересказом? – Сигур произнес эти слова насмешливо и ядовито. – Если обшарить пустыню, в ней наверняка сыщется не один заброшенный дворец. В старину все эти царьки только и занимались тем, что строили дворцы, а потом бросали их. Можно добраться туда, отколупать кусок от алебастровой резьбы, и продать ее на ярмарке в Хоршемише. Если удастся найти лопуха-покупателя. Только прилично ли нам заниматься этим?

Барнегард выложил на стол купленную им карту. В неверном свете масляных ламп она казалась еще более старинной и таинственной.

– Я предлагаю следующее, – сказал он. – Мы срисуем эту карту, чтобы у каждого была своя копия. А потом заключим пари. Кто первый доберется до дворца, тот и победил. Нам все равно нечем заняться. Ярмарку мы осмотрели, город обошли вдоль и поперек. Свободного времени у нас предостаточно. Конечно, можно продолжать торчать тут, в тщетной попытке развеять скуку, но подумайте, сколько удовольствия может доставить настоящее приключение!

Его приятели некоторое время осмыслили услышанное.

– А что будет призом? – наконец спросил Закир, оживляясь.

Он воображал себя большим знатоком широких пространств. Ему, привычному к степи, и впрямь проще будет ориентироваться в пустыне, чем остальным, природным жителям лесных областей и зеленых долин.

– Я готов поставить тысячу золотых, – сказал Аддо. Он грезил о прекрасной статус.

– А я – не готов, – усмехнулся Сигур. – У меня отродясь не было таких денег.

– Я поставлю за тебя, – пожал плечами Бернегард. – Мы ведь родственники. Если тебе повезет, выиграш твой.

– О, великодушный! Пусть бог щедрости позолотит твой бритый подбородок! – Сигур кривлялся так, что Бернегарду стало неловко.

– В этом нет никакого особенного великодушия, – сказал он. – Поиск волшебного дворца – настолько нелепое предприятие, что участие в нем – уже само по себе – достойно только благородного человека.

– Да, в этом безумии много поэзии, – согласился Аддо.

Закир, которому отец никогда бы не доверил тысячу золотых, сверкнул глазами и произнес:

– Я согласен с вашими условиями, господа. Когда мы начинаем путь?

– Послезавтра, на рассвете, – ответил Бернегард. – А завтра каждый займется приготовлениями. Поскольку пустыня – место опасное, каждый из нас может нанять себе телохранителя, который будет выполнять так же роль носильщика и, по возможности, проводника. Средство передвижения каждый выберет себе сам. Любое верховое животное, включая крылатых львов, если их можно купить на ярмарке.

– Я возьму своего слугу, – сказал Аддо. – Он – мой испытанный товарищ. Местность ему неизвестна, но зато он хорошо знает меня. Это важнее.

– А мне не нужен телохранитель, – заносчиво объявил гирканец. – Мои сабли оберегут меня лучше любого из них.

– На том и порешим, – сказал Сигур. – Я лично соглашаюсь, поскольку могу выиграть три тысячи, и при этом не рискую ни единой монетой. Нам, бедным дворянам, можно быть беспринципными.

Допив вино, приятели разошлись. Бернегард задержался – на дне его кубка еще оставалось вино. Он попивал его рассеянно. Очарование рассказанной сказки еще имело над ним власть. Голос таинственного торговца по-прежнему звучал в его ушах.

Особым чутьем, выработанным в поисках интересной жизни, Бернегард понимал –

день не завершен. Должно случиться еще что-то, в духе последних событий. И он не ошибался. Перед ним возник высокий, широкоплечий мужчина, одетый с варварской роскошью. Ледяные синие глаза внимательно смотрели из-под прищуренных век. Мужчина ловко присел за стол и негромко сказал:

– Я слышал, тебе нужен проводник?

* * *

В назначенный день, на рассвете, Бернегард и его спутник покинули город через восточные ворота.

Карта, имевшаяся теперь у каждого участника пари, обозначала особое место – две скалы из песчаника. Одна напоминала драконий зуб, слегка раскрошенный, словно дракон в приступе ярости грыз каменную твердь. Вторая больше походила на кормовую башню грузовой каравеллы, подхваченной вихрем далеко в море и заброшенной в самое сердце пустыни.

– Интересно, можно ли доверять этому изображению? – размышлял вслух киммериец. – Карта уж больно древняя, рисовали тогда, кто во что горазд... Кстати, совершенно неясно, какое расстояние между этими скалами. Посмотри, рыцарь, дворец рядом с ними кажется огромным. Значит ли это, что он в самом деле огромен?

– Это не так уж важно, – отвечал Бернегард. – Главное, мы направляемся в нужную сторону, если конечно ты ничего не напутал.

– На карте точно обозначено движение пыльных смерчей, – сказал Копан, указывая ногтем на рисунок. – Такие смерчи возникают только при юго-западном ветре. Они идут наискосок, значит нам нужно держаться заката, и мы не промахнемся. К северо-востоку от Хоршемиша точно нет никаких заброшенных дворцов.

– Ты хорошо знаешь эти места, Конан-киммериец? А каким ветром тебя занесло так далеко от родных ледяных скал? – поинтересовался Бернегард, расслабленно держась в седле.

– Долго рассказывать, я на это не мастер, – отвечал Конан. – Мне больше нравится слушать.

Перед отправлением он сменил свой городской наряд на походную одежду, состоящую из кожаных штанов, просторной рубахи плотного сукна, сапог на прочной подметке, но с мягким верхом, и широкого плаща. Плащу предназначалась роль одеяла – ночи в пустыне холодные.

Конан без сожаления покидал Хоршемиш. Задаток, данный ему Бернегардом, он отдал Айгуль, и посоветовал обзавестись хорошим приданым. На ярмарку он посмотрит в другой раз.

Слушая рассказ Бернегарда в «Косули», варвар догадался, что перед ним – тот самый человек, которого хотят устранить. Теперь он знал, каким именно образом.

Наниматель убийцы, которого звали Сигур, навряд ли вообще покинул город. А убийца... Теперь Конан должен был признать, что это не просто головорез, услуги которого стоят недорого. Нет, он спланировал все с невероятной хитростью. Заманить наивного и доверчивого человека в пустыню, да еще так, чтобы всем казалось, будто он сам этого пожелал! Глупец никогда не додумался бы до такого.

Обычный убийца-наемник всегда действует просто. Он примитивен, его методы основаны на подлости и элементарном расчете. Ему не придет в голову сочинять сложную, многоходовую комбинацию. Дело тут в том, что наемными убийцами становятся подонки из подонков, люди, неспособные учиться чему бы то ни было и стремиться к большой цели.

А здесь действовал не только знаток человеческой природы и людских слабостей, но и опытный делец, сумевший подчинить интересы другого человека своим интересам.

Тьянь-По, мудрец и каллиграф, давний друг варвара, говаривал: «Человека легко узнать

по тому, как он играет в го».

То, что происходило теперь, больше напоминало шахматы. Конан уважал эту игру, как занятие, дисциплинирующее мысль и волю. Но и в шахматах есть разные стили. Кто-то выстраивает свою тактику и держится ее до конца, не позволяя сбить себя с толку. А другой пользуется ошибками противника, извлекая выгоду единственно из них. Третий постарается обмануть неприятеля, внушив ему ложное представление о своих намерениях.

А что, если хитрец из Хоршемиша использует и Сигура в своих целях, о которых тот и не догадывается? Что, если он затеял куда более сложную игру?

Оставалось только терпеливо ждать дальнейшего развития событий.

Путь перед ними еще даже не напоминал настоящую пустыню. Поднимающееся солнце заливало зноем крестьянские поселения, возникшие по берегам прорытых каналов. Жители деревень, несмотря на ранний час, уже были в полях – только тяжелым, рабским трудом можно заставит эту каменистую, песчаную почву приносить плоды.

Каждую пядь этой земли следует полить не только водой, драгоценной, как сама жизнь, но и крепким крестьянским потом.

Конан никогда не смог бы стать крестьянином. Для труда на земле, считал он, требуется особое мужество, доступное только особым людям. При этом, крестьянин обделен всяким другим мужеством, и гнет спину перед любым, кто держит оружие...

Бернегард с интересом поглядывал на своего проводника. Мысли о природе крестьянина никогда не посещали молодого рыцаря. Для него было в порядке вещей, что кто-то должен работать,, питая и одевая феодала. Люди свободного ремесла казались ему более любопытными.

Сын ремесленника или того же крестьянина может отречься от предопределенной доли и стать воином, стяжать себе славу и честь, или постигнуть ученую премудрость и сделаться важным чиновником, советовать королям... В свою очередь, сын знатного сеньора может преступить обязательства перед предками и превратиться в бродягу, чтобы стяжать себе свободу и в полной мере быть господином самому себе.

Конан казался ему типичным представителем «свободного племени», но нечто, составляющее натуру варвара, отличало его от остальных «охотников за удачей».

Вот он едет сейчас на своем выносливом коне, явно не избалованном хорошими дорогами. Осанка и посадка выдают в киммерийце хорошего наездника, но при этом – обладателя чувства высокого достоинства, невозможного в простолюдине. Даже аристократы, ставшие бродягами, охотно начинают подражать людям низкого сословия, причем делают это не без вызова. Дескать, происхождения у меня никому не отнять, стало быть, я буду вести себя так, как захочу. Конан-киммериец держался с истинно королевским достоинством. В нем не было кичливости и спеси, только осознание своего положения и силы.

Бернегард улыбнулся своим мыслям.

– Скажи, в твоих жилах часом не течет королевской крови? – спросил он.

– Это не важно теперь, – просто отвечал его спутник. – Когда-нибудь я стану королем.

И взглянул на собеседника так серьезно, что у Бернегарда пропала всякая охота шутить над честолюбием молодого варвара.

– Судьба иногда устраивает сюрпризы, – пробормотал он. – Может, ты и в правду станешь королем.

– Моя судьба – здесь, – заявил Конан и продемонстрировал рыцарю свою огромную, сильную ладонь, а потом сжал ее в крепкий кулак.

– Это – веский аргумент, – согласился Бернегард.

Карта, купленная на ярмарке, при всех своих недостатках обладала еще одним, самым критичным: по ней нельзя было догадаться, как далеко придется ехать по пустыне. Неделью? Две? Месяц? Для того, чтобы везти месячный запас воды, нужен целый караван, не говоря уже о съестном.

Однако Конан был уверен, что отыщет по пути источники воды, а пищу добудет

охотой. Неподалеку от оазисов обязательно будут пастись сайгаки – пустынные антилопы. Их мясо жестковато, но некоторые причудливые богатеи, охочие до диковинок, подают его к столу в качестве редкого деликатеса. Об этом Бернегард знал из личного опыта. Теперь он веселился, предвкушая, что будет рассказывать в Аквилонии, как питался исключительно деликатесами, скитаясь по пескам.

Они проехали неторопливой рысцей весь день, лишь дважды давая роздых лошадям. На ночлег остановились в поле, принадлежащем последнему, окраинному поселению. Вода в канале уже была неприятной на вкус, желтоватой из-за песчаных примесей, но Бернегард пил ее с благодарностью к тем, кто прорыл эти каналы.

Он спал в легком шатре, а варвар устроился на ночлег под открытым небом.

– Это – последняя ночь, когда можно спать так, – сказал он. – В пустыне я тоже стану ложиться на ночлег в шатер, приняв некоторые меры предосторожности. Ты боишься пауков, рыцарь?

– Маленьких восьминогих созданий? Ничуть не боюсь. Они мирные и нападают только на мух.

– Здесь пауки бывают размерами с мой кулак, а то и побольше, – поведал Конан, ухмыляясь. – Они ядовиты и кусают все, что им не нравится. Пустыня учит: нападение – лучшая защита. Маленькие восьминогие создания, увидев тебя спящим, подумают, что проснувшись, ты станешь опасен. И постараются устроить так, чтобы ты не проснулся, Их яд убивает верблюда за несколько мгновений...

– Я – не верблюд, – сухо возразил Бернегард. – Впрочем, спасибо за предупреждение.

Ему не хотелось думать об опасностях. Юный рыцарь вполне отдавал себе отчет в том, что тревог и препятствий их ждет много, и был готов справляться с ними по мере их возникновения. Пауки, змеи, скорпионы, разбойники – какая разница? Он должен добраться до потерянного дворца и прикоснуться к тайне царя Уграла. Ну и конечно, неплохо было бы добраться туда раньше остальных. С такими мыслями рыцарь уснул, а варвар еще долго сидел у небольшого костерка, и смотрел на небо, полное ярких звезд.

На следующее утро они тронулись в путь.

Пустыня обступила их со всех сторон. Песок, только что совсем холодный, нагрелся в считанные мгновения и источал жар. Воздух напоминал мутноватое стекло и дрожал перед глазами.

К седлам путников крепились особые, полотняные зонты, призванные оберегать их от прямых солнечных лучей. На покупке зонтов настоял варвар.

– Я могу обойтись и без них. Да и ты – тоже, – сказал он. – Но зачем переносить лишние тяготы? Будут и другие, и в достаточном количестве.

Теперь Бернегард был рад, что согласился с Конаном.

Рыцарь решил не терять своего достоинства, что бы ни происходило. Путешествие было вызовом его «изнеженной натуре», но признаваться в слабости перед киммерийцем Бернегарду не хотелось. К чести юноши, жару он терпел без особого труда. Тяжелее было переносить жажду.

Рыцарь уговаривал себя: «Ты пил совсем недавно, и смерть от обезвоживания тебе не грозит. Это только кажется, что хочется пить. Только кажется...»

– Ты прав, – сказал Конан, словно подслушавший его мысли. – Пустыня охраняет себя от людей. Она внушает мысли о жажде, чтобы человек поскорее опустошил свои фляги. Тогда его ждет гибель. Но мы знаем уловки пустыни и не поддадимся ей. Человек – сильнее!

Глядя на могучую фигуру киммерийца, охотно верилось, что человек действительно сильнее. Бернегард позабавился этим, и ему стало намного легче.

Начались участки барханов – удлиненных песчаных холмов, осыпающихся под копытами и подвижных, как змеи. Ветер перегонял пески с места на место, словно добивался от них правильного расположения, пытаясь устроить пустыню по своему прихотливому вкусу.

Когда путники поднимались на бархан, их взору открывался удивительный пейзаж:

пески были похожи на море, застывшее, или, вернее – замедлившее движение своих волн. А над этими волнами колыхалось марево и вставали видения, одно прекраснее другого. Здесь были и дворцы, окруженные островками зелени, и водопады, низвергающиеся с изумрудных скал, и реки, текущие по долинам...

Видения держались какое-то время, а после распадались, и перед глазами оставался только прсок...

– Мне говорили об одном человеке, – поведал Конан. – Тот долго шел по пустыне, и миражи одолевали его. Он держался из последних сил, у него была могучая воля, но нетвердый разум... Человек приучился обходиться в день двумя каплями воды и крошечным кусочком хлеба. Он высох, как палка, но все шел вперед. Не боялся ядовитых тварей, и однажды сам съел скорпиона... В конце концов, рассудок его повредился. Он добрался до города, однако не вошел в него, а направился далее, думая, что перед ним – мираж.

– Поучительно, – сказал Бернегард. – Значит, и мы также рискуем промахнуться мимо цели? Ты умеешь отличать мираж от действительности?

– Здесь нельзя полагаться только на умение, – пожал плечами киммериец. – Тот тоже думал, что умеет.

К концу второго дня пути Бернегард обнаружил в себе цепное свойство: он мог засыпать в седле, погружаясь при этом в мир сновидений, полных прохлады и покоя. Но по пробуждении у него болела голова.

– Это опасно, – предупредил его варвар. – Могут лопнуть жилы в голове. Череп заполнится кровью, и придется сверлить в нем дыру.

– Ты сможешь сделать это, если понадобится?

– У меня есть подходящий нож, – подумав, кивнул Конан. – Так что дырку в твоей голове я сделать смогу. Но что потом? Так и будешь ходить, с дыркой? Она тебя не украсит.

Чтобы кони не страдали от жажды, на ночь варвар обернул их морды тряпицами, смоченными в воде.

– Завтра все равно нужно будет их напоить, иначе они падут, – сказал Бернегард.

– Завтра мы выйдем к источнику, – уверенно произнес Конан. – Для этого нам потребуется сделать небольшой крюк, но мы быстро вернемся на прежний путь. Я знаю эту породу лошадей. Их невозможно перепоить, они легко переносят голод и идут быстрее верблюдов.

– Аддо пошел на верблюдах, – припомнил Бернегард. – Каковы его шансы по сравнению с нашими?

– Ему не нужно будет петлять в поисках источников так часто, – отвечал киммериец. – Но и двигаться он будет медленнее. Так что шансы примерно равные.

– А Закир отправился на своей страшной кобыле, похожей больше на борзую собаку

– Это серьезный конкурент, – признал варвар. – Его лошадь, хоть и неказиста, но в пустыне – как дома. Ее вообще можно не поить – она довольствуется ничтожной влагой, что втягивает в свои стебли полусухая колючка. Но сам Закир может не выдержать...

– Главное, чтобы он разозлился как следует, – рассмеялся рыцарь. – Разозленный, гинец преодолеет все, что угодно

– Гнев – не лучший помощник в песках, – возразил Конан. – Тут выживает терпеливый. Сухая трава быстро вспыхивает, и быстро выгорает – так говорят люди в этих краях. И они правы. По своей природе ты лучше приспособлен для жизни в пустыне. Жидкости твоего тела ничем не возмущены, и черная желчь не преобладает над остальными соками.

– Откуда ты все это знаешь?

– Странствуя по свету, я не закрываю глаз, – отвечал варвар с достоинством

На самом деле он вспоминал, очень приблизительно поучительные декции своего Тьянь-По. Сам он почти ничего в этом не понимал, но на людей обрывочные сведения производили сильное впечатление. Следовало только произносить их с мудрым видом, и тогда любая чепуха казалась значимой и полной смысла.

Конан окружил стреноженных лошадей кольцом из волосяной веревки, а второе, такое

же, уложил и вокруг шатра.

– Это от пауков? – спросил Бернегард.

– Да, от всякой ползучей сволочи.

– И как, помогает?

– Полной защиты, конечно, веревка не дает. Некоторые пауки ее перепрыгивают. Но только некоторые.

Бернегард подумал, засыпая, что его бывалый проводник потешается над ним, или испытывает, нарочно рассказывая всякие ужасы. И подумав так, решил проявлять особое хладнокровие.

Третий день пути принес неожиданности.

Сначала путешественники обнаружили следы.

– Это гиркаиец, – определил Конан. – Его лошадь все еще в хорошей форме. Он опережает нас почти на день. Но у него почти не осталось воды. Смотри, рыцарь, следы не глубоки. Значит, поклажа легкая, почти не превышает веса всадника. Закир не взял с собой бурдюка. Надолго ли ему хватит фляги?

– У меня сложилось впечатление, что Закир вовсе не пьет воды, – сказал Бернегард. – В городе он употреблял, в основном, вино.

– Надеюсь, в пустыне он изменил своим привычкам, – произнес киммериец. – Вино выводит влагу из тела. Кроме того, на солнце оно быстро портится, и крепче ударяет в голову. Ну ладно, пора заботиться о себе. Мы возьмем к северу, и через треть дня пути выйдем к оазису.

Как не была искусна пустыня в создании лживых видений, узрев настоящий оазис, Бернегард сразу отличил его от миража. Может, потому, что краски казались не такими яркими?

Поразмыслив и прислушавшись к своим ощущениям, юноша понял, что истинный оазис, в отличие от ложного, имеет запах. Пахнет вода, пахнут растения, и совершенно особый запах имеет сырая почва. В пустыне, где нет почти никаких запахов, этот – способен разноситься на большое расстояние и сводить с ума...

Бернегард испытал сильнейшую радость и волнение. Он привстал в стременах и уже собрался пустить своего коня галопом к заветному островку прохлады и тени, но варвар, ехавший вплотную к нему, ухватил рыцаря за локоть и крепко сжал его.

– В чем дело? – удивился Бернегард, но его проводник вместо ответа скроил зверскую рожу и жестом приказал молчать.

Потом он сложил солнцезащитный зонт и внимательно всмотрелся в песок под копытами своей лошади, а затем, сохраняя безмолвие, направил ее в сторону от оазиса.

Бернегард последовал его примеру. Сам он не чувствовал никакой опасности, но поведение Конана изумило его. Только что этот странный киммериец держался спокойно и уверенно, как у себя дома, и вдруг преобразился в дикое, хищное животное, почуявшее охотников. Инстинктам варвара стоило доверять. Так Бернегард и поступил, в чем потом не раскаивался.

Спутники не успели отъехать и десятка шагов, как из зарослей вьющихся растений, словно из сундука фокусника, с яростным визгом выскочили всадники.

Они были одеты в черные, развевающиеся одежды, а лица прятали за масками, скрывавшими все, кроме глаз. Но не это ужасало в них, не это повергало в смятение. Верховые животные разбойников – вот, что внушало оторопь.

Сначала Бернегард даже подумал: «Что за уродливые пони?» И только приглядевшись, заметил – к пони эти твари не имели никакого отношения.

Это были огромные вараны, длиною в два человеческих роста от носа до кончика хвоста. Светло-серые, с полосами на спине, они почти сливались с песком. Рептилии бежали с удивительной легкостью, изгибая хищные, стремительные тела. Их наездники продолжали издавать хриплые и визгливые крики.

– Их – восемь. Они быстрее нас, так что убегать нет смысла, – быстро сказал Конан. –

Но мы сделаем вид, что пытаемся удрать от них, а потом, по моему сигналу, развернемся и ударим. Только бы они не стреляли!

Наездники варанов неслись сзади, постепенно настигая путников. Бернегард уже слышал леденящий душу шелест, с которым лапы рептилий отталкивались от песка.

— Кром! — вскричал Конан, на скаку разворачивая коня и ставя его на дыбы. В его руке сверкнул меч, и голова ближайшего преследователя отскочила в сторону, как мяч.

Огромная ящерица под поверженным врагом извернулась и сбросила безголовое тело, чтобы тут же начать страшную трапезу. Варан пожирал своего наездника! Он шипел и бил хвостом, поднимая тучи песка, терзал мертвеца страшными когтистыми лапами... Это было ужасное зрелище.

К счастью, у Бернегарда не оставалось времени разглядывать подробности. Прямо на него летел второй всадник. Сабля в его руке вращалась, как стальной смерч.

Рыцарь был вооружен длинным, тонким клинком. Против легкой сабли это оружие имеет несколько преимуществ, если успеть ими воспользоваться. Зная, что вступать в ближний бой ни в коем случае нельзя, Бернегард изловчился и привел рубящий удар так, чтобы задеть врага самым кончиком острия. Это удалось только со второй попытки, но результат оказался выше его ожиданий. Черный всадник взвизгнул еще громче, выронил саблю и ухватился за распоротый бок.

Варан под ним почуял запах крови. Он смотрел в лицо юноше яростными глазами и шипел. Его горло пульсировало, словно ящер предвкушал трапезу. Длинный, раздвоенный язык ощупывал воздух.

Бернегард направил коня прямо на рептилию, взмахивая мечом. Варан повернулся к нему боком, и вдруг сильнейший удар выбил Бернегарда из седла. Его лошадь панически заржала и ускакала, мотая пустыми стремянами.

Оглушенный, Бернегард попытался встать, но варан опять развернулся, и рыцарь успел заметить, как хвост ящера изгибается кнутом и разворачивается в воздухе.

Второй удар отбросил юношу на три шага. Бернегард задыхался от боли.

К счастью, раненый им разбойник не усидел в седле и повалился на песок, пятная его кровью. Ящер повернул к упавшему свою морду. Черный всадник испустил вопль, полный смертного ужаса, и попытался убежать на четвереньках. Однако варан настиг его и растерзал лапами, чтобы полакомиться свежим мясом...

Тем временем Конан сеял смерть в рядах нападавших. Из преследуемой добычи он превратился в беспощадного преследователя. Варвар пускал своего коня вскачь, то вдруг останавливался, направлял его совсем в другую сторону, заставлял разворачиваться, петлял, как заяц, чтобы, возникнув в неожиданном месте, нанести смертельный удар.

Разбойники никогда прежде не сталкивались с подобной тактикой. Обычные их жертвы — купцы, идущие с караванами, охранялись обычными наемниками, предпочитавшими лобовые атаки, или дальний бой с участием луков и арбалетов. А этот великан, казалось бы — идеальная мишень, большая и неповоротливая, метался по песку, как безумец. Его огромный меч, вместо того, чтобы наносить тяжелые удары впустую, сверкал, как молния.

Скоро четверо из восьми уже лежали на песке, превратившись в пищу для своих ящеров. Остальные благоразумно удалились на полполета стрелы, и наблюдали за путниками. Впрочем, они не спешили исчезать совсем. По-видимому, разбойники решали, обстрелять ли путников из луков, или вновь попытаться напасть на них с наскока.

Варан, оглушивший Бернегарда, закончил доедать своего седока, и теперь пристально смотрел на рыцаря, медленно приходящего в себя. От ящера исходил отвратительный запах смерти и разложения.

Бернегард осторожно дотянулся до своего меча и стиснул пальцами рукоятку. Варан злобно зашипел, и то же мгновение кинулся на поверженного рыцаря.

«Сейчас он ударит хвостом!» — промелькнуло в голове у Бернегарда, и он распластался по песку, инстинктивно угадав правильную тактику защиты.

Удар хвоста пришелся мимо. Тогда, не мешкая ни мгновения, Бернегард вскочил на

йоги и прыгнув, вонзил меч прямо в пульсирующее горло рептилии.

Брызнула черная кровь. Горло оказалось противно-мягким...

Бернегарда едва не стошнило.

– Хорошо! – крикнул Конан, наблюдавший за этим. – А теперь, скорее – под укрытие, в заросли!

Они успели в самый последний момент. Вокруг них, в песок, вонзались стрелы с черным оперением.

Внутри оазиса царила прохладная духота.

Шуршали заросли, и где-то неподалеку булькал родник.

– Проклятье, моя лошадь! – простонал Бернегард. – Жалко скотину, и потом – без нее мы вряд ли выиграем пари!

– Не волнуйся о ней, – сказал варвар. – Если ее не поймают вараны, она не потеряется. Она же не дура, чтобы добровольно уходить от источника воды. К тому же, она хочет пить. Вот увидишь, скоро твоя лошадь вернется.

Оазис действительно напоминал островок среди моря пустыни.

У него были четко очерченные границы, проходили они там, где живительная сила воды уже не могла напитать мертвый песок.

Сквозь заросли Конан наблюдал за действиями разбойников и их верховых животных. Вараны сильно нервничали. Им явно хотелось посбрасывать седоков и присоединиться к своим более удачливым собратьям, заставить их поделиться добычей.

– Кто эти люди? – спросил Бернегард.

– Илльроахирримы. Волки песков, – отвечал киммериец. – Презренное племя, поклоняющееся воплощению Сета. Они жестоки и коварны, но это еще бы ничего. Вараны для них – не домашний скот, а высшие существа, которым надо приносить жертвы. Обычных, ездовых ящеров они кормят мясом убитых врагов, а для верховного варана, живущего в их племени на правах вождя, они преподносят особое кушанье – пленника, замученного до смерти ужасными пытками. Вирочем, он предпочитает женщин, посему нас просто убили бы прямо тут.

Мы столкнулись с их разъездным отрядом. Они прячутся в оазисах и дожидаются путников, вроде нас, потому что живут грабежом и никакого другого ремесла не знают. Но повторю, в этом я не вижу ничего особенно мерзкого. Многие племена выживают только за счет разбоя. Хуже, что их покровитель – творец зла и жестокости. После смерти илльроахирримы обречены быть кормом своему божеству. Это – проклятое племя, – повторил он и замолчал.

Пустынные разбойники скрылись из вида.

– Если их становище далеко, то бояться нам нечего. Мы успеем отдохнуть и удалиться достаточно далеко, чтобы им не было смысла нас преследовать. Однако, усиленный разъезд может наткнуться на других участников пари. Положим, гирканец сумеет скрыться от них на своей тощей лошади. Но Аддо придется несладко. Он хоть опытный воин? – поинтересовался варвар у Бернегарда.

Лежа на сырой траве, рыцарь отвечал:

– Я не знаю этого. Мы встречались только во время мирных попок и кутежей.

– Во время кутежей случаются и потасовки, – заметил Конан.

– Только не в хорошем обществе, – отрезал Бернегард.

Конан понимал, что в последнем пункте рыцарь лукавит или, по крайней мере, добросовестно заблуждается. Киммерийцу и самому не раз случалось кутить в хорошем обществе, с представителями рыцарской знати, и уж он-то знал, что потасовки происходят решительно везде.

Как и предсказывал киммериец, лошадь Бернегарда вернулась, как только черные наездники убралась подальше. Седельные сумки остались в неприкосновенности, но солнцезащитный зонт был сломан, по-видимому – ударом вараньего хвоста. Чинить его не имело смысла.

Путники наполнили водой два небольших бурдюка, позволили коням поесть вволю свежей травы, и покинули оазис.

Конан размышлял – случайной ли была встреча с разбойниками? Скорее всего – случайной. Чтобы договориться с ильроахирримами, нужно обладать не только знаниями их обычаев и повадок, но еще и обширными сведениями в области магии мертвых, главным адептом которой является их верховное божество. Только в этом случае волки песков прислушаются к словам чужака. В любом другом – его ждет смерть.

Вскорости путники вернулись к нужному направлению и продолжили путь. Ослепительное солнце постепенно клонилось к закату.

* * *

Аддо и его наперсник, пожилой сигх Алибасур, двигались без остановок. Даже ночью их верблюды продолжали размеренно шагать по пустыне. Седоки спали в седлах, убаюканные плавным покачиванием их спин.

Утром товарищи завтракали, потом Аддо курил походный кальян, а Алибасур негромко напевал песнь-поэму, совершенно бесконечную, полную цветистых подробностей, следить за которыми у Аддо не оставалось сил.

Поэму Алибасур сочинил сам, и считал ее образцом высокого вкуса. Аддо никогда не спорил с ним по этому поводу, опасаясь обидеть верного старого слугу.

И сказал Ниару: «Твоя грудь -
Как бутоны в садах Хатшепсура,
Твое лоно – как устье реки наслаждений,
Реки полноводной...
Твои бедра – белее, чем мрамор
С волшебного острова Гупту!
Я хотел бы прильнуть к ним,
И ноги твои лобызая,
Стать твоим недостойным рабом,
О прекрасная Нура!»

«Ну и фантазии были у этого Ниару, – сонно подумал Аддо. – Это же надо придумать: лоно, как устье реки... Да еще и полноводной!»

Еще он пытался представить, как к подобным комплиментам отнеслась бы его последняя подруга, милая дочь советника... Девушка современная, хорошо знающая трактат о любви, но увы – только с практической стороны.

Однако, Нура, героиня поэмы, принадлежала к другому поколению.

А она отвечала герою,
Потупясь в смущенья великом:
«О, Ниару, прекрасный, как бык
Из священного стада!
Твои руки сильнее, чем ветер,
Нежнее, чем море.
Твои чресла могучи,
Под стать Арпехси-великану!
Но не нужен мне раб,
И тем более – раб недостойный.
Нужен мне господин,
Чтоб сама я рабою была бы!»

– Все они так говорят, – пробормотал Аддо и улыбнулся.

Он был благодарен Алибасуру. Пожилой воин, повидавший всякого, не размышляя и не спрашивая согласился сопровождать своего подопечного в путешествии бессмысленном и опасном. Опасности сикха не страшили, а само путешествие старый слуга вовсе не считал таким уж бессмысленным. Напротив, он полагал, что подобными деяниями и прославляются все великие герои. Алибасур отказывался видеть в Аддо обычного, пресыщенного жизнью юнца, и убил бы всякого, кто оскорбил бы молодого господина подобным предположением.

Ветра почти не было, и течение песка замедлилось. Следы в нем сохранялись дольше обычного. Благодаря этому обстоятельству, Аддо знал – прочие участники спора давно обошли его. Но не поворачивать же назад из-за этого!

На следующий день они встретили Закира. Казалось, гирканец беспечно спал на песке, прячась от солнца под брюхом своей тощей лошади.

Завидев приближающихся путников, лошадь скосила глаза и заржала злым голосом.

Закир проснулся, мгновение вглядывался в силуэты, возникшие перед ним, потом узнал, ощерился и расхохотался, по своему обыкновению.

– С тобой все в порядке? – спросил Аддо.

– Конечно! – весело отвечал гирканец.

– Он ранен, господин, – тихо сказал сикх. – Мы должны оказать ему помощь.

Действительно, левая рука у самого плеча Закира была перехвачена неумелой повязкой.

– Что с рукой? – поинтересовался Аддо.

– Пустяки. Стрела.

– Ты достал наконечник?

– Нет. Больно же!

И Закир снова рассмеялся.

– У него лихорадка, господин, – так же тихо проговорил Алибасур. – Он умрет, если ему не помочь.

– Что говорит твой раб? – каркающим голосом спросил Закир и сверкнул глазами.

– Он говорит, что тебе – конец.

– Проклятье! Распроклятое проклятье да падет на головы ему и тебе, да и мне за одно!

– Что же случилось? – Аддо спешился и неловко ступая затекшими ногами, приблизился к раненому.

– На меня напали мерзкие людишки, из тех, что разъезжают по пустыне на противных ящерицах, и думают этим кого-то удивить! – поведал гирканец, рыча и отплевываясь. – Я сражался с ними и убил не меньше десятка, пока у меня не устала рука...

На самом деле он убил всего двоих, но небольшие преувеличения в устных рассказах о подобных делах считаются обязательными у славных гирканских воинов.

– А они все появлялись и появлялись, со всех сторон, – продолжал Закир. – Когда эти мерзавцы поняли, что так им меня не взять, они принялись кружить вокруг меня и стрелять из луков. Бот ведь подлость!

– Постой, разве не так делают гирканцы, когда нападают в степи на караваны? – спросил Аддо с невинным видом.

Закир разразился новой чередой проклятий.

– Значит, тебя ранили стрелой. Хорошо, что ты все-таки удрал от них. – Аддо сел на песок рядом с ним.

– Удрал! – В глазах гирканца показались слезы. – Это они удрали от меня... А впрочем – неважно. Твой раб не врет? Мне крышка?

– Нет, если ты примешь нашу помощь.

Закир застонал от бессильной ярости. Его самолюбию был нанесен сильнейший удар, и следовало не сразу согласиться на предложение приятеля, а немного поспорить, и этим поддержать славу гордого воина степей. Но сил у Закира не доставало даже на это.

Сикх приготовил воду, чистое тряпье для перевязки, разжег небольшой костерок из колючих, насквозь сухих веток мертвого кустарника, и раскалил на огне лезвие ножа. Тем временем Аддо снял заскорузлую повязку и осмотрел рану на плече гирканца.

– Сильно нагноилось, – заметил он. – Но с другой стороны, это к лучшему. Ты почти не почувствуешь боли...

– У тебя руки, как у женщины, – язвительно произнес Закир. – Я не боюсь боли... Я ведь не неженка.

– У вендийцев высокого происхождения руки и должны быть нежными, – терпеливым голосом проговорил Алибасур. – Ты должен радоваться этому. Искусство целительства доступно только некоторым кастам. А врачевание ран – привилегия самых благородных. В отличие от, скажем, зубодеров, чей труд презреен и жалок.

– У меня отродясь не болели зубы, – сообщил гирканец.

Пока они разговаривали подобным образом, Аддо извлек наконечник и вычистил рану от поверхностного гноя. Потом он тщательно разжевал комок кальянного зелья и сделал из него примочку.

– Теперь дело за временем, – сказал он. – Когда мы вернемся в Хоршемиш, пригласим к тебе самого искусного лекаря из возможных. Два дня ты всяко протянешь. Если тебе станет худо, мы усадим тебя па верблюда. Вернее – уложим ему на спину.

– При чем здесь верблюд? – спросил Закир. – Мы никуда не возвращаемся. То есть, вы, если желаете, можете и повернуть, но я еду дальше.

– Бернегард и Сигур нас обошли, – пожал плечами Аддо. – Нет большого смысла гнаться за ними.

– Одного из них я должен догнать, – сказал гирканец и скривился. – Даже убивать не буду эту тварь, только хочу, чтобы он видел, что я выжил...

– О чем ты говоришь? – удивился вендисц.

– Не о чем, а о ком, – процедил сквозь зубы Закир. – О Сигуре, да пожрут его печень стервятники!

– Конечно, ты не должен ничего объяснять, но если тебе не трудно... – Аддо старался проявить деликатность. Однако гирканец перебил его.

– Когда эти черные, на ящерицах, пропали, я добрался сюда и упал с коня. Едва из раны перестала течь кровь, как появился Сигур со своим проводником... Прегнусный тип, настоящий конокрад и вор. Он смотрел на меня и ухмылялся. Я не просил помощи у Сигура, как не просил ее у вас. Он сам завел об этом разговор. Сказал, что ему очень жаль, но он не повезет меня, не станет возиться и даже воды не оставит, потому что умирающему она ни к чему.

«Эй, разве я похож на умирающего?» – спросил я.

«Завтра станешь похож, это уж точно», – ответил он.

«Ну и проваливай! – сказал я. – Желаю тебе выиграть пари и удавиться на собственных кишках!»

«Пари? – он расхохотался мне в лицо. – Глупый гирканец! Я выиграю в любом случае, и никого не останется на свете, кто бы мог оспорить мою победу!»

«Может, добьем его?» – спросил проводник.

«Охота тебе марать руки об эту падаль!» – отвечал ему Сигур.

Потом они ускакали. У них были слишком свежие лошади... Я не знаю, как это объяснить, да и нужно ли объяснять... От злости я едва не повредился в уме. Но теперь мне лучше, и я... благодарен тебе, Аддо.

Последние слова дались гирканцу нелегко, но он справился с этим.

Алибасур впоследствии говорил, что па его глазах свершилось превращение незрелого юноши в настоящего воина, отец которого может гордиться им.

– Сдается мне, Сигур замыслил недоброе, – сказал Аддо, когда они продолжили путь.

Закир наотрез отказался сесть на верблюда, и продолжал ехать на своей тощей лошади, действительно похожей на борзую собаку, причем не только статью, но и злобным нравом.

Она то и дело пыталась укусить за ногу верблюда Алиба-сура, вынуждая его брыкаться.

– Гнусная мокрица, – с большими чувством молвил Закир. – Что бы он ни задумал, вряд ли это достойно и хорошо.

– Если господа позволят, я поделюсь с ними своими мыслями, – важно произнес Алибасур.

– Чего там, делись, – развязно кивнул гирканец.

Сикх дождался кивка своего молодого господина и продолжил:

– Господин Сигур – великий завистник. Он принадлежит к тому же роду, что и господин Бернегард. Однако богиня удачи не жаловала эту ветвь их родового дреза, как порой и садовник иные ветви яблони украшает яркими лентами, а иные – оставляет в пренебрежении...

– Ух ты! Он всегда так говорит? – изумился гирканец. – Тебе бы на курултае выступать! На совете племен!

– У нас это называется диваном, – с достоинством отвечал сикх. – Но речь не обо мне, господин. Речь о Сигуре, равно как и о его родственнике, юном Берпегарде. Недостойному слуге кажется, что основные опасности, связанные с нашим путешествием, угрожают ему, а не нам.

– Что из этого следует? – спросил Аддо.

– Как что? – вместо слуги отвечал гирканец. – Нам стоит поторопиться.

* * *

Был пятый день пути. Бернегард прокалился насквозь ослепительно белым солнцем. Голову он прятал под складками головного убора, состоящего из длинного, перекрученного куска ткани. Но ресницы его выгорели, а лицо сделалось смуглым, как у коренного жителя этих мест.

Вся лишняя влага выпарилась из тела акви-лонского рыцаря, и он ощущал странную, приятную легкость.

От жажды, впрочем, путники не умирали. Едва подходила к концу вода в их бурдюках, Конан безошибочно находил новый оазис, а если не оазис – так колодец, если же не колодец, то особое место прямо посреди пустыни. В этом особом месте киммериец рыл яму два локтя глубиной, и на дне ее в скором времени появлялась вода, на удивление свежая и прозрачная.

Конан объяснял Бернегарду, по каким признакам можно отыскать подобное место, но рыцарь слушал невнимательно.

Происходящее казалось ему сказкой, а сказочные герои не погибают от обезвоживания. У них всегда под рукой оказывается спутник, обладающий редкостными умениями.

Таким образом, путешествие по раскаленному песку превратилось для Бернегарда в приключение духа. В то время, как Конан не отделял внутренних переживаний от состояния плоти.

Для северянина он слишком любил солнце. Многие жители севера заявляют вслух, что солнечный свет для них – радость жизни, счастье и утеха. Но они имеют ввиду жалкое подобие гордого светила, что плывет низко в мутном небе, над самым горизонтом, и едва в состоянии растопить снег. Настоящего солнца северянин не может вынести, его светлая кожа покрывается волдырями, мозг плавится в перегретой голове, а глаза поражает грызущая боль.

Конан-киммериец наслаждался. Горячие лучи ласкали его тело, похожее на статую древнего героя. Казалось, он может обходиться и без воды, и без еды, черпая необходимую для жизни энергию в солнечных лучах. Тем не менее, он ловко отыскивал воду, а когда запас пищи подошел к концу, выследил у одного из оазисов пустынную антилопу и добыл ее, настигнув на лошади одним стремительным броском.

Он сам приготовил мясо на углях, благо подходящей у костра древесины было в

избытке.

– Надо съесть все, – сказал он Бернегарду. – Мы не сможем сохранять мясо долго. Оно испортится уже завтра.

– А если его завялить? – предложил рыцарь. Варвар фыркнул.

– На это уйдет полдня, да и к тому же, вяленое мясо вызывает жажду. Нам это ни к чему.

Осознав справедливость этих слов, Бернегард больше ни разу не спорил со своим проводником.

Он сам иногда думал, почему бывалый воин, опытный путешественник, не лишенный к тому же честолюбия, возится с ним, человеком малосведущим, чьи достоинства достались ему по наследству и ничем не подтверждены?

Задай он этот вопрос киммерийцу прямо, и то не получил бы внятного ответа.

Возможно, благодаря жизненному опыту, варвар видел в юноше хорошие задатки, которые позволят и ему впоследствии стать славным воином, достойным славы предков. Может быть, Конан радовался случаю расстроить планы хитрого негодяя. Не без корыстных соображений, в том числе. Там, где хитрый негодяй строит сложные планы, наверняка есть чем поживиться и честному человеку. Достаточно этого негодяя устранить.

Нужно заметить, что Конан представлял себе подробности предстоящего весьма туманно, рассудив – не без остроумия – что это и неважно. Главное, оказаться в нужном месте в нужное время, а там посмотрим. Этим правилом варвар руководствовался всю свою жизнь и ни разу еще не пожалел об этом.

* * *

Таинственного человека, помощника Сигура, звали Сквирр. Он не являлся в прямом смысле слова наемным убийцей, хотя, если за это платили, убивал без колебания. Это обстоятельство малоинтересно само по себе. Гораздо интереснее способы, которыми Сквирр осуществлял разного рода грязные дела.

Несколько лет назад к нему обратился некий юноша, которому позарез требовалось избавиться от власти опекуна, человека старого и крайне рассудительного. Такой человек никогда бы не вник в проблемы молодости, ибо его собственная молодость миновала так давно, что подробностей просто не сохранила бы человеческая память.

Существовало одно осложнение. Проклятый старикан, как уже говорилось, был крайне рассудителен. И конечно, он рассудил, что приткий племянник попытается добраться до завещанных ему денег, переступив через остывающий труп дяди. Старый пройдоха написал завещание, в котором содержалось прямое указание: в случае смерти его при подозрительных обстоятельствах, начать следствие с допроса племянника и держать его под подозрением, пока тот не сознается.

Проклиная мнительность стариков вообще, и своего дяди в частности, племянник впал в отчаяние. Когда Сквирр предложил ему отделаться от старого дурня за жалкую тысячу золотых, юноша счел эту сумму заниженной.

А через три дня после заключения договора между ними, дядя сошел с ума. Он разгуливал по улицам Хоршемиша в неподобающе-легкомысленном виде, произносил путаные речи, то хохотал во все горло, то вдруг старался спрятаться от невидимого окружающим врага.

Несчастливого безумца взяли под стражу, дабы он не натворил бед. В его покоях нашли особое курительное зелье, пристрастившись к которому, человек теряет себя в лабиринтах ярких видений...

Племянника даже не заподозрили в том, что он сам подбросил зелье в покои дядюшки. Тут имело место одно обстоятельство, сыгравшее решающую роль в признании полнейшей его невинности. Дело в том, что покои дяди запирались на ключ, существовавший в

единственном экземпляре. Ключ дядя всегда носил с собой, на цепочке, и не снимал даже в серных банях, которыми славен Хоршемиш.

Итак, все решили, что старик употребил слишком большую дозу зелья и повредился в уме. Может быть, впоследствии его рассудок и прояснился, но кто поверит безумцу, уверяющему, что он здоров?

Племянника, проявившего себя в качестве любящего и почтительного родственника, назначили опекуном несчастного.

В этом очевидна жестокая насмешка судьбы. Дальнейшая судьба старика никому не известна. Возможно, он жив и по сию пору, и влачит горькое существование в доме скорби, никому не нужный и забытый всеми.

А судьба племянника, напротив, ясна. Но богатство, которого он так ждал, не принесло ему счастья.

Сквирр, отличавшийся практическим умом, не сомневался – молодой глупец очень быстро пустит деньги по ветру.

Он явился в богатый дом, сменивший хозяина, и потребовал приплаты за молчание.

– Спору нет, ты ловко провернул это дело, – сказал ему племянник, – но кто поверит тебе? Ты подбросил зелье, и все теперь думают, что старик пал жертвой собственной неаккуратности. Но ты, Сквирр, слишком хорошо замел следы. Иди, рассказывай, про тебя тоже решат, что ты обкурился зелья.

Сквирр рассмеялся.

– Ты умнее, чем я думал, но всего на один ход.

– Что тебе-то за дело? Я не собираюсь играть с тобой в шахматы, – ответил один негодяй другому.

– Некоторые люди воображают себя хозяевами своей судьбы, в то время, как на самом деле – они лишь фигуры па доске, – возразил на это Сквирр. – Хорошо. Не плати за молчание. Плати за право остаться в живых. Только учти, это стоит дороже.

Племянник не стал платить вовсе. Сквирр, похожий на дешевого прощелыгу, хмыкнул, за-вериулся в свой засаленный халат и ушел.

А ближайшей же ночью окрестности богатого дома огласились душераздирающими криками.

Племянника посетило видение. То был призрак, совершенно бесплотный, за исключением одной лишь правой руки. Рука оказалась твердой, костлявой и холодной.

Лицо призрака принимало очертания самых жутких чудовищ, но не это свело наследника с ума. Именно костлявая рука, которой призрак хватал молодого человека за горло и душил его, оказалась страшнее всего. Слуги заметили на горле новоявленного безумца отпечатки узких пальцев, но решили, что юноша оставил их сам, собственной рукой. Сумасшедший успел выброситься из высокого окна на каменную мостовую прежде, чем его осмотрели лекари. Так, в страхе и тоске, он и окончил свою жалкую жизнь.

Если бы мудрый кхитаец Тянь-По, давний приятель Конана, из изречений которого киммериец Почерпнул немалую толику своих премудростей, знал эту историю в подробностях, он бы непременно сказал Конану:

– Важно уметь довольствоваться тем, что у тебя есть. Призрачные мечты толкают человека в руки к призракам.

На это Конан, по своему обыкновению спорить, возразил бы кхитайцу: если человек не умеет справиться с жалким призраком, ему и мечтать-то не имеет смысла.

Так бы они и остались, каждый при своем мнении, неизменно довольные друг другом и самими собой.

Однако Тянь-По не знал этой истории, да и варвар проведаль о ней много времени спустя. Сквирр долго еще пребывал в ярости. – Люди – страшные дураки, – сказал он себе. – С ними очень трудно иметь дела. Попробуем добиться от них хотя бы уважения. А там и платить начнут.

Следующее дело, за которое взялся Сквирр, оставило по себе жуткую память.

Некий богатый господин воспылил страстью к дочери другого богатого господина. Казалось бы, отчего этим господам не решить дела полюбовно? Но интересы обеих сторон пересекались еще в одном пункте, а именно – оба богатых господина являлись друг другу заклятыми врагами.

В ту пору принц Хоршемиша был еще очень молод, и держался на троне благодаря опыту и верности своих советников. Однако при дворе принца сложилась партия, желавшая низложения законного правителя, или хотя бы жесткого регентства, при котором принц скорее всего не дожил бы до совершеннолетия. Отец девушки принадлежал именно к этой партии, в то время, как жаждущий ее человек поддерживал интересы юного наследника трона.

Если бы он носил в сердце своем подлинную любовь, то все случилось бы по иному. Путей, по которым он пришел бы к возлюбленной, очень много. Придворный мог бы предать трон, или переманить на свою сторону отца девушки, или пуститься на хитрости и заключить с ним ложное перемирие, чтобы, получив желаемое, тут же расторгнуть его...

В конце концов, он мог бы отказаться от своих притязаний, не желая навредить красавице и ее близким. Как знать, может, именно эта жертва умилила бы судьбу, и она помогла бы влюбленному. Но любви не было. Придворный испытывал страсть, сродни той, что горит в глазах барышника, или собирателя диковин. Страсть обладания.

Девушка оставалась для него лишь неодушевленной вещью, которою можно купить или украсть, если обстоятельства склоняют к подобному решению.

Как придворный узнал о Сквирре – можно только гадать. По-видимому, худая слава колдуна, устраивающего темные дела за мзду, уже ходила по злачным местам Хоршемиша.

– Ты – колдун? – спросил его вельможа при первой встрече.

– О, нет, – отвечал Сквирр. – Колдуны читают заклинания, собирают их в особые книги, изготавливают препараты из сушеных нетопырей и прочей гнуси. Колдуны повелевают силами стихий, или думают, что повелевают. Я же не имею дерзновения так считать.

– Кто же ты такой? – продолжал настаивать придворный, привыкший, чтобы ему отвечали прямо.

– Недостойный твой слуга, – сказал на это Сквирр и склонился в поклоне. – Пусть твоя милость не ломает над этим голову. Пусть твоя милость заплатит золотом и избавится от всяких забот. И нынче же ночью станет возможной радость плотского соития с девой, чьей красотой ты пленен.

– Пленен... Экий вздор! Просто хочу ее, – сказал вельможа и стиснул зубы от яростного вожеления.

Они сговорились.

Этим же вечером в доме отца девушки случился переполох.

Девушку тщательно охраняли, поскольку отец подозревал своего противника в способности нанести ей бесчестие. Не смыкая глаз, повсюду за ней ходили трое воинов, которых сменяли каждую стражу. Ночью они стояли у изголовья ее ложа. Это были молодые, сильные люди, с живой плотью и кипящей кровью. Странно, что от них отец девушки не ждал никакого бесчестия.

Едва девушка легла спать, как в комнату влетел крылатый змей. Он был похож на рыбу со множеством плавников. Змей обвил кольцами своего тела горло одного из стражников, и тот упал замертво. Второй выхватил меч, но благородный клинок не причинил змею вреда, проходя сквозь чешуйчатое тело так же свободно, как луч света – сквозь темноту. Змей поразил этого воина жалом, спрятанным в кончике хвоста, и несчастный скончался в жутких конвульсиях.

Третий воин заглянул в глаза змея и уснул. Именно из его уст изошли подробности страшной ночи.

Большого он не мог поведать, но уж было ясно, что именно змей и унес девушку.

В такой ситуации самое ужасное – что невозможно даже предположить, где искать пропавшую красавицу.

– Если бы вельможа стоял за этим, то нанял бы какого-нибудь ловкого вора. Крылатый змей наводит на мысль о маге, или могущественном жреце. Вельможа, насколько было известно, магией не занимался. Стало быть колдун или жрец положил на несчастную красавицу глаз и выкрал ее, как только ему представился удобный случай, – так сказал капитан городской стражи убитому горем отцу.

А вельможа тем временем успел насладиться своей пленницей. Он взял ее силой, и это разожгло огонь его страсти еще сильнее. Но даже самый жаркий огонь гаснет со временем. К началу следующего дня он уже не мог смотреть на похищенную без отвращения. Она непрерывно плакала, чем раздражала его безмерно.

– Во всяком случае, свое ты получил, – сказал ему Сквирр.

Он оставался в доме вельможи все это время и распоряжался там, как хозяин. Слуги царедворца недоумевали и даже роптали. Им неприлично было прислуживать такому грязному оборванцу, к тому же – еще и с отвратительными манерами.

Странно, но получив деньги от первого клиента, Сквирр не потратил ни одной монеты на новую одежду. Халат на нем был все тот же, засаленный донельзя. Сквирр получал удовольствие от своего внешнего вида. Ему нравилось, как богатые господа, одетые в парчу и дорогой бархат, делают над собой усилие, чтобы не морщиться, находясь рядом с ним, человеком нужным. Нравилось хватать грязными руками лучшие куски с золотого блюда, вытирать эти руки о драгоценный шелк обивки...

– Да, ты получил свое... – повторил он, ухмыляясь.

– Ты – тоже, – напомнил ему вельможа. – Я рассчитался с тобой полностью.

– Ты намекаешь, что я злоупотребляю твоим гостеприимством? – Сквирр усмехнулся еще шире. – Думаешь, что мне еще чего-то от тебя надо? Не-ет, это тебе, уважаемый, скоро опять потребуется моя помощь. Поэтому я и не ухожу. Что ты станешь делать с этой девкой? Намерен ли ты и впредь держать ее в своем доме?

– Еще чего! – сказал царедворец. – На что мне она? Я вышвырну ее немедленно.

– Это глупо, – возразил ему Сквирр. Вельможа вспыхнул. Он не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

– Повторяю тебе, это глупо, – настаивал Сквирр. – Она прибежит к своему отцу и укажет на тебя.

– Они не станут поднимать шум, захотят уберечься от позора, – пожал плечами царедворец.

– Учитывая способ, которым девушка была опозорена – станут. И это будет громкий шум.

– О каком способе ты говоришь? Разве не ты привел ее ко мне, как уличную девку?

– Ее похитил змей, – сказал Сквирр, щурясь от удовольствия. – В тебе заподозрят колдуна. Конец твой будет ужасен.

Вельможа скрипнул зубами.

– Проклятье! Ты уверял меня, что не пользуешься колдовством!

– А я и не пользуюсь. Объяснить тебе суть моего метода не получится. Вряд ли ты поймешь. А тупоумные судьи – тем более.

– Про какого змея ты толкуешь?

– Это – удивительный змей, – почти восторгаясь, произнес Сквирр. – Одно из самых прекрасных созданий на земле.

– Где же он?

– Везде. И здесь – в том числе. Вельможа не выдержал и рассмеялся.

– Я думал, – выдавил он, – что большего вздора, чем на совете во дворце, я не услышу нигде. Но ты меня удивил. Воистину, ярмарочные прощелыги горазды на выдумки. Не сойти мне с этого места, если я вижу здесь твоего змея!

Не успел царедворец произнести эти слова, как из-под столика, украшенного затейливой резьбой, появилась змеинная голова. Она была огромная, золотого цвета, с глазами, полными холодной злости.

Вельможа застыл. Язык его прилип к небу. Он попытался броситься к своей сабле, висевшей на стене в богатых ножнах, но не смог – ноги его отказывались двигаться. Вельможа словно прирос к полу.

Тем временем змей появился полностью. Он плыл в воздухе, окружая царедворца просторными петлями, и тот в ужасе понял, что не в силах будет помешать змею, если он вздумает сжать кольца.

– Ну что, видишь теперь? – осведомился Сквирр. – Я не лгал тебе. И это не колдовство, в том смысле, как понимают его люди.

– Откуда он взялся? – пролепетал вельможа.

– Отовсюду. Я же сказал, что он – везде. И не он один. Мир полон странных существ, которых мы не замечаем. Для нас они прозрачны и бесплотны. Люди не только живут с ними бок о бок, но и ходят сквозь них, спят на одном ложе с ними... Если бы почтенные горожане только знали об этом соседстве!

Сквирр разразился счастливым смехом. Он любовался переливами света на змеиной коже и наслаждался волнами страха, что исходили от вельможи, гордого и могущественного. Что теперь его гордость и его могущество, перед лицом подлинной мощи! Думая об этом, Сквирр отошел к столику, налил себе вина из бронзового кувшина, и принялся смаковать благородный напиток, какой не купишь в лавке за медные деньги.

– Несведущему может показаться, что я имею над этими существами власть, – продолжал он. – Это не так. Я могу призвать этого кра-савца-змея – не правда ли, он красив? – но не в моих силах заставить его исчезнуть. Ему нужно мясо, господин. В нашем мире, мире плотских существ, жители эфира потребляют слишком много жизненных сил. К тому же, они в праве требовать от меня угощения...

– Я дам тебе все, что ты попросишь, – взмо-лился вельможа. – Сколько угодно денег... А хочешь – у тебя будет дом, прекрасный загородный дворец, со слугами и мебелью... Только избавь меня от этой твари... Она слишком при-стально на меня смотрит...

– Мне не нужно загородного дворца, господин. Что я там буду делать? – рассудительно троизнес Сквирр. – Такому оборванцу, как я, са-лое место в грязной ночлежке. А вот деньги всегда приятно иметь. Сто тысяч золотом – это не слишком много в такой ситуации?

В знак согласия царедворец кивнул.

– Кстати, – заметил негодай, – змей поможет нам избежать неприятностей при расследовании. Ему ведь все равно, кого пожрать. Нежное мясо молодой красавицы даже предпочтительнее...

Так и случилось, что девушку больше никогда никто не увидел, а вельможа раскошелился на сотню тысяч.

Сквирр не стал больше его донимать. Вид золотого змея, пожирающего женщину, потряс даже похитителя красавицы, хоть он и был бездушном мерзавцем. Этому царедворцу доводилось и прежде наблюдать жестокие казни и присутствовать при пытках, и ни разу его сон не обратился в кошмар.

Однако с тех пор, как погибла несчастная жертва его похоти, царедворец не ведал покоя. Он совершенно поседел, вздрагивал от каждого шороха, и поскольку силы оставляли его с каждым днем, вельможа принялся судорожно творить добрые дела. Так он надеялся умиловить богов и собственную совесть.

Помогло это ему, или после смерти вельможу ожидала смрадная яма, полная голодных демонов – этого никто не скажет наверняка.

А о Сквирре пошла слава, как о человеке воистину всемогущем, который поможет в любом деде, но и плату потребует огромную, и лучше бы с ним не торговаться.

Летом он жил под старым мостом, в компании безобразных нищих и воров. Зимой перебирался в халупу, из которой сбежали даже пауки. Денег он брал, за свои услуги крайне много, но куда прятал их, на что тратил – того никто не ведал.

Прошло несколько десятилетий, и люди наблюдательные заметили бы неладное. Сквирр не старел. Только кожа на его лице все сильнее покрывалась отвратительной на вид

коростой. А еще от него исходил сильный жар, словно его тело было куском раскаленного металла.

Этому его свойству Сигур поражался больше всего, до тех пор, пока они вместе не выехали за ворота Хоршемиша.

– Я не уразумел до конца, – сказал аквилонец, – за каким демоном мы пускаемся в путь? Если Бернегард сгинет в песках, как ты мне обещал, я не вижу смысла в соблюдении правил этого дурацкого пари.

– Не такое уж оно и дурацкое, – ухмыльнулся в ответ Сквирр. – Если бы я прожил другую жизнь, и был бы не тем, кто я есть, то непременно бы принял участие в чем-нибудь подобном. Я удивляюсь тебе, рыцарь. Неужели в твоей душе не осталось места для благородных чувств?

– Если бы осталось, вряд ли я обратился бы к тебе, – процедил сквозь зубы Сигур. – Ты не ответил мне.

– Если ты до сих пор ждешь ответа, то слушай. Я хочу, чтобы ты убедился, что с наследником покончено. Тогда ты не сможешь влиять.

– Но ведь я окажусь под подозрением! Подумай, мы оба были в пустыне, я вернулся, а Бернегард пропал. Люди подумают, что я убил его, пользуясь случаем.

– Об этом тебе нечего волноваться, – сказал Сквирр. – Мы вернемся слишком рано, чтобы кто-нибудь смог предположить, что ты ездил в пустыню. Никого из участников пари не останется в живых.

– Слишком рано? То есть, Бернегард будет убит поблизости от города? Но ведь тогда его скоро найдут, и начнется следствие...

– Нет. Все случится далеко от Хоршемиша. Покинутый дворец находится в десяти днях пути, если менять лошадей.

– Он на самом деле существует?

– Конечно! – Сквирр осклабился. – Я стараюсь не лгать. Есть и дворец, и статуя, все чин-чином.

Какое-то время они ехали молча. Конь под Сквирром приплясывал. Это был беспородный жеребец, плохо ухоженный и злой. Пару раз он попробовал сбросить седока, но Сквирр прошептал ему что-то на ухо, и животное оставило свои попытки, однако нервничать не перестало.

– Постой-ка, – спохватился Сигур. – Десять дней пути... Как же я окажусь в городе слишком рано? Десять дней туда, десять – обратно... Мое отсутствие заметят, и трудно будет объяснить его.

– Ты все еще мне не доверяешь? – притворно изумился Сквирр.

– А ты стал бы доверять на моем месте?

Сквирр рассмеялся.

– Конечно, нет. Но призадумался бы, после того, что сейчас произойдет.

– А что произойдет?

Вместо ответа Сквирр вытянул вперед правую руку и подвигал растопыренными пальцами. Там, куда падала тень от его руки, пыль вдруг ожила, взметнулась сначала небольшим фонтанчиком, потом собралась в маленький, упругий столбик смерча.

Смерч приплясывал и рос на глазах. Пыль скрипнула на зубах у Сигура, запорошила ноздри лошадей, и те протестующе заржали. Бешено вращающаяся воронка издавала резкий звук, довольно громкий. Потом он сделался еще громче, послышался хлопок, и конь Сигура присел, мотая головой.

После хлопка звук пропал. Сигуру показалось, что он внезапно оглох.

Пыль стояла стеной вокруг них, и сквозь эту стену ничего не было видно.

– Что происходит? – проорал Сигур, боясь, что звук его собственного голоса окажется не громче комариного писка.

– Мы летим над землей, – спокойным тоном отвечал Сквирр. – Я рекомендовал бы тебе крепко держать поводья. Если твоя лошадь выйдет за пределы смерча, вы сразу рухнете

вниз, к радости песчаных шакалов.

Сигур посмотрел под копыта своего коня. Внизу, сквозь горловину воронки, виднелись волнистые дюны.

Они проносились мимо, появлялись следующие, и так – до бесконечности. Высота была большая, тысячи две локтей.

– Это какой-то морок, – сказал Сигур. – Ты дурачишь меня!

– Вот как? – Сквирр нахмурился. – Ну что ж, попробуй развеять иллюзию. Не хочешь? Тогда держи за зубами свой язык!

Сигур возмутился:

– Как ты смеешь разговаривать со мной подобным образом? – крикнул он. – Ты, мелкий жулик, прощельга, хам...

– Да, я хам, – согласился Сквирр. – Но не трус. Если мне понадобится убить кого-нибудь, я не стану нанимать для этого постороннего человека.

Сигур подавленно замолчал. Их кони, напуганные состоянием невесомости, даже не старались вырваться из объятий смерча, только мелко дрожали и жалобно ржали. Пустыня плыла под ногами.

Продолжалось это довольно долго, и Сигур впал в сонное оцепенение. Случившееся с ним и в самом деле напоминало ночной кошмар, но пробуждения не было.

Наконец лошади коснулись копытами песка. Они пошатывались, как пьяные, и сообщники спешили. Солнце клонилось уже к горизонту.

– Мы преодолели трехдневный переход, – сообщил Сквирр. – А теперь мне нужен отдых.

Он расстелил прямо на песке одеяло и повалился на него. Сигур бродил вокруг, как потерянный, пока не решил последовать примеру своего проводника.

Однако ему не спалось. Оцепенение, охватившее Сигура в воздухе, прошло, и он бодрствовал. Мысли его были горьки.

Стремительно стемнело и похолодало. Сигур изнывал от тоски, страха и усталости. Когда его взгляд упал на спящую фигуру Сквирра, он чуть не вскрикнул. Ужас сковал его.

Над спящим клубился белесый туман, заметный на фоне ночной черноты. Он вел себя, как живое существо, обладающее волей. Казалось, в нем шевелится нечто злобное и упрямое, обладающее огромной силой.

Светила луна, и в ее лучах сгусток тумана выглядел еще более страшным. Потом из самой его толщи высунулась рука – костлявая, с длинными когтистыми пальцами, и тотчас убралась обратно. Следом показалось крыло, кожистое, с длинными крючьями по краям. Оно всколыхнуло воздух и погрузилось обратно. Но из тумана уже выглядывала жуткая морда, с круглыми рыбьими глазами и пастью, ощеренной тонкими, острыми зубьями.

Завороженный этим представлением, Сигур не отрываясь смотрел на странный туман, а Сквирр, прямо над головой у которого появлялись чудовища, продолжал спать.

Сигур пригляделся по внимательнее и едва сумел удержать крик: Загадочный и зловещий бродяга не дышал. В лунном свете его лицо, обезображенное экземой, выглядело маской.

– Мертв! – подумал Сигур. – Что же будет со мной?

Из тумана явилась змеиная голова. Чешуя на ней отливала металлом.

Змеиные глаза вдруг приблизились, и в вертикальных зрачках Сигур не увидел ничего, кроме ледяной ярости. Он потерял сознание.

Утром его разбудил Сквирр.

Разбитый и оглушенный, Сигур нашел в себе силы рассмеяться, но смех его был жалок.

– Мне приснилось, будто бы ты умер, – сказал он.

– Иногда сны бывают правдивы, – ответил Сквирр.

– Но ведь ты жив, не так ли?

– Мы мало знаем о жизни и смерти. Преступно мало. Что считать жизнью? Чувство голода, физические страдания, жажду власти и богатства? Или еще грубее – способность

сердца гонять кровь по жилам?

– А что считать смертью? – спросил Сигур, испытывая раздражение.

Сквирр не ответил ему.

Следующий перелет закончился там, где царь Уграл увидел, пробудившись, свой дворец...

Сигур сидел на ступенях, странно холодных, словно над куполами дворца не сияло палящее солнце.

Отчуждение и глухая тоска охватили акви-лонца, и резной алебастр, и мозаика потолков не восхищали его. Он понимал отчетливо только одно – Его занесло невесть куда, и теперь он в полной власти загадочного существа, назвать которого человеком можно только с большой натяжкой.

Сквирр, напротив, был весел. Он передвигался по дворцу энергичными пробежками, восклицал и смеялся. Полы его халата развевались, словно крылья аиста-падальщика. Сигур не удивился бы, если б его проводник вдруг упал бы на мозаичный пол и забился бы в припадке. Так ведут себя дервиши и бесноватые на рынке Хоршемиша.

– Она там, наверху, – ликуя, оповестил его Сквирр. – Неужели ты даже не захочешь взглянуть на нее?

– Я думал, все это выдумки, – вяло отвечал аквилонец. – Впрочем, что мне за дело? Я не хочу на нее смотреть.

Но Сквирр ухватил его за локоть и силой повлек наверх.

Сигур пробовал сопротивляться, однако Сквирр обладал нечеловеческой силой. Вырваться из его хватки оказалось невозможно.

В пустой большой зале действительно находилась статуя. Прошедшие века никак не сказались на белизне мрамора и его гладкости. Даже пыль не ложилась на каменную женщину, что было в высшей степени странно.

– Правда, она прекрасна? – спросил Сквирр.

– Зачем ты привел меня сюда? – удивился Сигур. – Я не интересуюсь древностями. Может, ты забыл наш уговор?

– Нет, аквилонец, уговор я помню. Можешь не переживать, я всегда выполняю обещанное. Иначе моя сила покинет меня. Таковы правила. Но хорошо иногда совместить приятное с полезным. Приятным я называю созерцание этой прекрасной статуи...

– Я ее вижу в ней ничего исключительного, – оборвал его Сигур. – Работа довольно груба, нарушены пропорции, искажены линии...

– Глупец! Она же живая! То, что ты считаешь пропорциями и линиями, лишь жалкая пародия на жизнь, нелепые потуги ваятелей сравняться с природой...

– Хорошо. Она живая. Мы притащились в самое сердце пустыни, дабы полюбоваться на нее.

Тем временем мой родственник еще далеко отсюда, и неизвестно, не повернул ли он назад. Ты мог убить его много раз, а я до сих пор не вижу его головы. Ты – колдун, может быть даже – демон. По ночам ты не дышишь. Это – твое дело. Я хочу видеть Бернегарда мертвым, а не созерцать живые статуи!

Сквирр расхохотался ему в лицо. – Ты так и не понял, ничтожество, во что ввязался? Ты нужен мне, как материал для опытов. Мне плевать на твои желания. Тебе не уйти отсюда. Но, как я уже сказал, свое обещание я выполняю. Бернегард будет мертв.

Сигур бросился на него с кулаками, но Сквирр, отделившись от пола без всякого видимого усилия, перекувыркнулся в воздухе и уда-рил Сигура в грудь ногами.

Упав, аквилонец ударился головой о стену и потерял сознание.

Потом, спустя время, когда он открыл глаза, сознание все еще не вернулось к нему. Он двигался, говорил, испытывал чувства, но все это было чужое, ибо нечто вселилось в тело аквилон-ца и сделало его своим. Сигура не стало.

Если это кому-нибудь интересно, то душа его угодила в смрадную, душную темноту, где живут мерзкие чудовища – Зависть и Отчаяние.

Спустя несколько дней Закир повстречал при уже известных нам обстоятельствах уже не прежнего Сигура, а того, кто поселился в его теле.

* * *

Прошло одиннадцать дней.

Когда Бернегард увидел вдали купола, пылающие на солнце, он остановил своего коня, спешился и опустился на песок.

Юный рыцарь млел от радости. То, что казалось ему недостижимой мечтой, грезой, чарующим сном, теперь показалось наяву.

– Это ведь не мираж? – спросил он у своего проводника.

– Посмотри сам, – отозвался Конан. – Вот приметные скалы, все сходится. Мираж не повторил бы рисунка карты. И потом, разве ты не видишь, как волнуются лошади? Они чуют воду. Их миражами не обмануть.

Варвар тоже испытывал радость, но не выражал ее столь открыто. Приключение близилось к концу. Правда, самая опасная его часть еще впереди, но зато обратная дорога всегда легче – это он знал на личном опыте.

Конан внимательно изучал песок под копытами своего коня. Ветер изрядно потрудились, замечая следы, но кое-что осталось для глаз бывалого следопыта. Множество отметин, тонких, будто царапины. И оставлены эти следы недавно, совсем недавно...

– Поблизости ильроахирримы, – сказал киммериец. – Я понял, почему они не напали на нас раньше.

– Почему? – поинтересовался Бернегард.

– Им нужно было, чтобы мы очутились здесь.

Все это время волки песков провожали нас, пасли, как баранов. Если бы мы сбились с пути, они атаковали бы, но не всерьез, а так, чтобы мы вернулись на нужное направление.

– Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? – Бернегард поднялся на ноги и инстинктивно ухватился за рукоять меча.

– Тс-с! Не делай резких движений! – остановил его варвар. – Пусть они думают, что мы ни о чем не подозреваем. Тогда на нашей стороне окажется пусть небольшое, но все-таки преимущество.

– Распоряжайся, – кивнул ему Бернегард. – Я надеюсь, ты понимаешь, что твой гонорар зависит от того, останусь я в живых, или нет.

– Если я буду мертв, какой мне прок в деньгах? – весело отозвался Конан. – Теперь садись-в седло и неспешно следуй за мной. Под укрытием стен нам не страшны стрелы, а огромные вараны не решатся лезть в человеческое жилье, даже заброшенное.

Путники миновали парадный вход, у самого порога которого намело целый бархан песка. Но за порог пустыня не переступила, словно дворец охраняло сильное заклятие.

Источенные временем ворота вели во внутренний двор. Там друзья обнаружили поилку для лошадей, полную свежей воды, и свежее сено в кормушках. Сено источало одуряющий аромат, совершенно немыслимый среди песков.

– Чудеса! – воскликнул рыцарь.

– Попахивает колдовством, – хмуро отозвался Конан, однако, ослабив подпругу своего коня, позволил ему напиться и припасть к кормушке.

– Хорошо, что это местная порода лошадей, – сказал он. – Рыцарский конь из Аквилонии не выжил бы.

– Посмотрим, не найдется ли внутри чего-нибудь для людей, – произнес Бернегард. – Насчет аквилонских лошадей – не знаю, а вот аквилонский рыцарь выжил, и очень хочет есть.

Юноша вел себя с веселой беспечностью победителя. Наездники на варамах, оставшиеся снаружи, уже не страшили его.

Первый этаж дворца напоминал рисунок к рассказу о царе Угапе. Все было точно так, как расписывал торговец картами, только в фонтане не было рыбок, а на деревьях не пели птицы.

Исполинские черные статуи у входа в каждый зал тоже соответствовали легенде. Правда, в ней великаны были живыми...

– Может, они и не умирали, – сказал Конан, когда Бернегард указал ему на статуи. – Не советую дразнить их, или как то выказывать свое пренебрежение. Я, конечно, их не боюсь, но все же, мы – непрощенные гости.

– О чем ты говоришь? – изумился юноша. – Это – каменные истуканы, и ничего больше.

И тут же осекся. Ему показалось, что один из гигантов изменил выражение лица. Только что оно хранило каменную невозмутимость, а теперь его черты искажила мука...

– Следуй за мной, – проговорил Конан, сделав вид, будто ничего не заметил.

Да, статуя была тут. Женщина, изваянная в натуральную величину, застыла в ожидании бесконечности. Вся ее фигура выражала покой и отрешенность.

– Тебе не нравится? – спросил Бернегард у варвара.

Тот покачал головой:

– Она похожа на хищницу. Притаилась в засаде, и ждет. Только кого? Нас?

– Ты прав, – раздался голос откуда-то сверху, и человек в черных одеждах опустился перед попутчиками.

– Сигур? – Удивился Бернегард. – Ты добрался сюда раньше нас? Поздравляю тебя, старина. Приз твой.

– Мое имя – Угап. Запомни его, презренный, – произнес человек и скрестил руки на груди. Этот жест, полный надменности и гордыни, столь не подходит Сигуру, каким его знал Бернегард, что юный рыцарь подумал, будто обозначился. Но, взглядевшись пристальнее, он отказался от сомнений. Бесспорно, перед ним стоял его двоюродный брат.

– Опомнись, дружище, – миролюбиво сказал ему Бернегард. – Ты перегрелся на солнце и устал. Я тебя понимаю. Путь был не из легких. Но все позади. Теперь ты богач. Денег хватит на хорошее имение...

– О каких деньгах ты толкуешь, презренный? Что для меня деньги? Я – царь Угап, владыка пустыни... Ты будешь наказан за свою дерзость. И снова рыцарю показалось, что сходство странного пришельца с Сигуром только поверхностное. Сигур, иначе говорил, иначе звучал его голос, иными были жесты и манера держаться. А еще Бернегард заметил, что незнакомцу, именующему себя Угапом, тяжело и тесно внутри собственной кожи, словно он надел на себя слишком узкую рубаху.

Тем временем человек в черном приблизился к статуе и обнял мраморные ноги изваяния.

– Уже скоро, – прошептал он со страстью. – Скоро я дам тебе теплой крови, и твоя плоть станет, как прежде, живой и горячей.

Бернегард оглянулся в поисках Конана, но киммериец куда-то пропал.

Конечно, он и не думал бежать, просто рассудил, что Бернегард сам справится со своим родственником. Варвар хотел отыскать второго, и самым решительным образом потребовать от него объяснений.

Сквирр не заставил его долго рыскать по дворцу.

На верхней галерее Конан заметил его фигуру. Негодяй не пытался спрятаться, напротив, он ожидал приближения варвара и посмеивался. Его уродливое лицо от злобы и насмешки сделалось еще отвратительнее.

– Волки песков говорили о тебе, – произнес он. – Я знаю таких, как ты. Думаешь, что твоей силы будет достаточно, чтобы справиться со мной?

Не отвечая ему, Конан извлек меч из ножен и устремился на галерею.

Но едва он преодолел первый лестничный пролет, как черная тень обрушилась на него. Поначалу бесформенная, она обрела очертания чрезвычайно высокого, костлявого старика.

Старик вытянул вперед свою длинную руку и попытался ухватить ею Конана за горло.

Взмахнув мечом, Варвар попытался перерубить зловещую руку, но клинок не встретил сопротивления плоти, а прошел сквозь воздух. Тень развоплотилась на мгновение, но почти сразу вернулась в прежний вид.

Могильным холодом несло от призрака, и это был совсем не тот холод, о котором мечтает путник среди раскаленной пустыни.

– Кром! – вскричал варвар и принялся яро-стно размахивать мечом, не позволяя тени обретать форму. Старик обратился в огромное серое пятно тумана. Конан прошел сквозь него и устремился дальше.

Вдруг что-то тяжелое ударило его по ногам, так что Конан едва не потерял равновесия. Это крылатый змей возник из пустоты и атаковал киммерийца.

Теперь Конан столкнулся с более серьезным противником.

Змей не развоплощался, когда сквозь него проходил клинок. При этом, все его длинное тело оставалось средоточием мощи. Змей витал в воздухе вокруг киммерийца, захлестывал его кольцами и сдавливал, при этом оставаясь неуязвимым.

Варвар изворачивался, как борец на ковре. У него не оставалось времени, чтобы поразмыслить, где у этой гадины уязвимое место.

К счастью, удача не отвернулась от Конана. Приготовившись для решительного удара, змей изогнул хвост, и киммериец увидел на самом его кончике острое жало, загнутое, как у скорпиона.

Не раздумывая, Конан нанес удар по кончику хвоста. Неожиданно на стену брызнула черная кровь. Змей зашипел, задергался, широко раскрыл свою пасть, в которую уместился бы взрослый человек, и пропал, оставив в воздухе тяжелое зловоние.

– Не может быть! – кричал Сквирр в ужасе. – Они же непобедимы! Ты не сумел бы одолеть их!

– Как видишь, у меня это получилось, – ответил ему Конан, криво усмехаясь. – Теперь твоя очередь.

С этими словами он погрузил клинок в грудь негодяя.

Тем временем в зале возле статуи шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Угап, чей дух завладел телом аквилонца, одолевал. Он старался подтащить Бернегарда к самому подножию статуй, чтобы там пронзить его грудь особым кинжалом, предназначенным для жертвоприношений.

Меч рыцаря, сломанный, лежал на полу. Он сломался, когда Бернегард попытался атаковать противника.

До последнего мгновения Бернегард не верил в то, что перед ним не Сигур. Он слышал, что безумцы обладают страшной физической силой, что бесноватые часто неуязвимы для оружия, и все старался заглянуть Сигуру в глаза. Юноша надеялся, что это отрезвит помешанного. Но глаза Сигура были мертвы. Казалось, он сам превратился в изваяние.

Теперь, у подножия статуи, Бернегард слабел с каждым мигом и готовился к смерти. Еще немного – и холодная сталь вонзится в его сердце, его кровь омоет ноги дочери песочного царя, а что произойдет дальше – рыцарь уже никогда не узнает...

В том состоянии, в котором пребывал Бернегард, только сугубое любопытство может спасти жизнь.

Юноше стало обидно не за жуткий конец, уготованный ему судьбой, а именно за эту неизвестность, что начнется сразу после удара кинжалом. Собрав волю в кулак, Бернегард ухватил руку с кинжалом за запястье, вывернул ее и с силой оттолкнул от себя.

Его противник захрипел, отшатнулся и медленно осел на пол. Костяная рукоятка кинжала торчала из его груди.

В то же мгновение статуя покрылась частой сетью трещин, покачнулась и рассыпалась в прах.

Конан нашел его и привел в чувство.

– Я, кажется, понял, что тут происходило, – сообщил он. – Твой родственник обратился

не к тому человеку. Он хотел убрать тебя и думал, что всемогущий негодяй из Хоршемиша – лучший исполнитель. Однако у Сквирра оказалась собственная цель. Я не знаю точно, каким образом, но этот бродяга умел ловить человека на его собственные пороки. К жадине он посылал демона алчности, к похотливцу – демона сладострастия. А твой кузен, по всему судя, являлся гнез-дилищем гордыни. Тебя, кстати, он поймал на любопытство. Однако власти над тобой у него не было.

– Я нахожу, что это весьма кстати, – вставил Бернегард.

Мертвое тело, лежащее в комнате, среди осколков статуи, без всякого сомнения принадлежало Сигуру. Дух Угапа покинул его, и остался один только труп, пронзенный кинжалом.

– Духи требовали от Сквирра пищи, – продолжал Конан. – По сути, он был их игрушкой, хоть и извлекал из этого свою выгоду. Но зло никогда не играет честно. Не стоит даже и пытаться вести с ними дела... Дочь песочного царя жаждала жизни. У нее был слуга – дух царя Угапа. А тот, в свою очередь, действовал через Сквирра. Неизвестно, много ли путников, попавших сюда случайно, погибли бесславным образом.

– Получается, ты все время знал, что нас подстерегает опасность в этом дворце? Почему тогда ты не остановил меня, и даже пошел вместе со мною? – спросил юноша растерянно.

– Потому что всякая история должна закончиться. И тем более – такая. Бр-р, мерзость! Однако нам надо придумать, как выбраться отсюда. Ильроахирримы кружат вокруг дворца. Они поклоняются статуе, и придут в ярость, узнав, что мы превратили ее в груды обломков.

Пошатываясь, Бернегард подошел к окну. Действительно, всадники на варанах показывались то здесь, то там. Отвратительные рептилии, разгребали лапами песок и били хвостами.

– Их десятка два, – определил Конан. – Об открытом бое и думать нечего. Остается только ждать, когда у них иссякнет терпение, и они пойдут на приступ. Жаль, что у нас нет лука. Я бы прямо сейчас снял одного-двух...

В это самое мгновение один их волков пустыни пошатнулся в седле и упал со спины варана. В спине его торчала стрела. Ящер накинулся на него, и тучи песка скрыли его участь от посторонних глаз. Впрочем, и так было ясно, что участь эта ужасна.

– Что происходит? – недоумевающим топом осведомился Бернегард.

И тут же увидел ответ на свой вопрос.

Его приятели, о которых он уже и думать забыл, шли на выручку. Аддо и Алибасур мчались, понукая своих верблюдов, прямо на врага, а За-кир, быстрый, как молния, атаковал с фланга.

Вместо того, чтобы разбежаться в стороны, ильроахирримы метнулись, подобные черным теням, прямо к стенам дворца.

Не сговариваясь, Конан и аквилонский рыцарь спустились во внутренний двор, оседлали своих коней, и кинулись в бой.

Схватка была короткой. Почти все черные наездники были убиты. Ильроахирримы не умеют сражаться, как принято у воинов, их удел – нападения из засады. Впрочем, их стрелы принесли много неприятностей Бернегарду и его друзьям: почти все были ранены. Больше всех досталось Закиру. Гирканец ругался, на чем свет стоит, когда терпеливый Аддо перевязывал его раны.

Некоторые из стрел оказались отравленными, и предусмотрительный Алибасур, захвативший целую бутылку целебного бальзама, заслужил много горячих благодарностей.

Другой на его месте возгордился бы, но сикх знал о своем предопределении, не желая ничьего другого.

– Жаль, что прекрасная сказка оказалась только приманкой, – с грустью молвил Аддо. – Вот и верь после этого старинным легендам.

– Мы никому не расскажем правды, – отозвался Бернегард. – Легенды творятся ежеминутно, но редко заканчиваются. Добавим свои штрихи к этому рисунку, чтобы было

что вспоминать другим.

– Устами юноши говорит мудрость, – сказал на это Алибасур, а Закир, в знак согласия, ощерился и расхохотался по своему обыкновению.

Конан пожал плечами. Он не понимал этих странных господ. Для него не было особой разницы между легендой и настоящей жизнью, и он лучше других понимал, что правда интереснее всякого вымысла.

И если мы слышали эту историю так, как она разворачивалась на самом деле, то, значит, Конан поведал о ней кому-то из своих знакомых, те передали ее своим знакомым, и так далее. Вполне возможно, что повесть изменилась до неузнаваемости, и подлинная судьба мраморной статуи и Сквирра, одержимого духами, сложилась немного иначе. Кто знает, кто знает...

OCR: де Монфор

WWW.CIMMERIA.RU